

амт.

ДЕЛЬВИГЪ.



(Полное собрание сочинений русских авторовъ.
Сочинения Нелединскаго-Мелецкаго и Дельвига. Изданіе Але-
ксандра Смирдина. Спб. 1850.)

Кто на снѣгахъ возрастилъ Феосиритовы вѣжныя розы?

Кто Славянинъ молодой, Грекъ духомъ, а родомъ Германецъ?
Вотъ загадка моя....

А. Пушкинъ.

7282



СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

В. Забвенов

I.

Нѣсколько словъ о смирдинскомъ изданіи сочиненій Дельвига. — Пропуски и недостатки этого изданія. — Планъ настоящихъ статей.

Въ концѣ 1850 года, дѣятельный и неутомимый г. Смирдинъ, продолжая свое полезное предпріятіе, издалъ томикъ стихотвореній Нелединскаго-Мелецкаго и Дельвига, поэтовъ, пользовавшихся въ свое время большою популярностью, произведенія которыхъ, не забытыя еще и теперь, съ восторгомъ читались и распѣвались во всѣхъ концахъ Россіи, и о которыхъ критика до сихъ поръ вполне не высказала своего мнѣнія. Отрывочныя сужденія о произведеніяхъ этихъ двухъ писателей являлись большею частью или при

жизни ихъ, или были вызваны въ свое время слишкомъ свѣжими воспоминаніями о ихъ тогда еще недавней утратѣ; въ послѣдніе же годы замолкли совершенно. Въ этихъ сужденіяхъ, которыя (особенно сужденія о Дельвигѣ) принадлежали болѣе частью не только самымъ близкимъ современникамъ поэтовъ, но ихъ друзьямъ, сотрудникамъ и врагамъ, всегда болѣе или менѣе пристрастнымъ въ какую нибудь сторону, слышалось или слишкомъ явное снисхожденіе дружбы, или слишкомъ явное недоброжелательство: середины между тѣмъ и другимъ не было, и потому критика до сихъ поръ въ долгу передъ обоими поэтами. Изданіе г. Смирдина даетъ теперь благоприятный поводъ прослѣдить литературную дѣятельность этихъ писателей и опредѣлить ихъ значеніе въ нашей литературѣ. На этотъ разъ избираемъ Дельвига, предоставляя себѣ когда нибудь впоследствии поговорить и о Нелединскомъ-Мелецкомъ.

Уже не разъ было замѣчено, что изданія г. Смирдина, имѣющія прекрасную цѣль — доставить читателямъ дешевый и удобный способъ къ основательному изученію произведеній русскихъ авторовъ, не совсѣмъ достигаютъ этой цѣли, по невыполненію условий, необходимыхъ для всякаго собранія какихъ бы то ни было сочиненій, и особенно необходимыхъ для изданій г. Смирдина, изъ которыхъ многимъ, безъ сомнѣнія, уже не суждено повториться. Отъ подобныхъ изданій читатель вправе ожидать какихъ нибудь конечныхъ результатовъ для исторіи литературы, біографическихъ свѣдѣній о самомъ писателѣ, всегда нелишнихъ нѣкоторой внимательности и объясняющихъ направленіе и характеръ его литературной дѣятельности, критической оцѣнки его произведеній, указанія времени, къ которому каждое изъ нихъ относится, измѣненій, въ нихъ послѣдовавшихъ, сравненія ихъ съ однородными современными имъ произведеніями, и т. д. Необходимость этихъ свѣдѣній, безъ сомнѣнія, чувствуетъ каждый изъ читателей, занимается ли онъ специально русскою литературой, или хочетъ только поверхностно ознакомиться съ нею. Человѣку специально свѣдѣнія эти необходимы потому, что онъ дорожитъ всѣмъ, что касается предмета его занятій: для него важны и біографическія подробности объ авторѣ, и критическая оцѣнка его произведеній, и сводъ различныхъ мнѣній о нихъ, и хронологическія указанія, и варіанты, — вообще все, что касается изучаемаго предмета, и что во всѣхъ странахъ образованнаго міра составляетъ необходимую принадлежность всякаго полнаго собранія сочиненій какого бы то ни было автора. Для человѣка же, который не занимается специально русскою литературой и хочетъ только поверхностно ознакомиться съ избраннымъ авторомъ, употребивъ на это какъ можно менѣе

времени и труда, исчисленные нами свѣдѣнія имѣютъ едва ли еще не болѣе важную важность. Имѣя ихъ подъ рукою, онъ могъ бы гораздо легче достигнуть своей цѣли: ему стоило бы только прочитать оцѣнку сочиненій избраннаго автора и повѣрить ее собственнымъ мнѣніемъ, прочитавъ замѣчательнѣйшія изъ нихъ; но безъ руководства для этого онъ будетъ въ большомъ затрудненіи, какъ приняться за книгу — читать ли ее всю, или только нѣкоторыя отрывки и какіе именно, и, не имѣя достаточно ни времени, ни охоты, ни терпѣнія прочитать все, онъ составитъ себѣ невѣрное понятіе объ авторѣ или не составитъ никакого. Недостатокъ этотъ, почти въ одинаковой степени общій всему смирдинскому изданію, особенно чувствителенъ при чтеніи авторовъ, о которыхъ мало было писано, и свѣдѣнія о которыхъ, по этой же причинѣ, болѣе затруднительны.

Обратимся теперь къ смирдинскому изданію полнаго собранія сочиненій Дельвига и посмотримъ, въ какой степени оно удовлетворяетъ этимъ требованіямъ.

Прежде, чѣмъ приступить къ чтенію ихъ, вы, разумѣется, хотите прочесть предисловіе, въ которомъ надѣетесь найти кое-какія біографическія свѣдѣнія объ авторѣ, оцѣнку его произведеній, и т. п.; вы хотите узнать, на что именно слѣдуетъ обратить вниманіе и что напечатано только для полноты изданія, — но предисловія не оказываются. Но какъ же быть безъ предисловія, какъ обойтись безъ указанія даже когда и при какихъ литературныхъ условіяхъ жилъ авторъ, — указанія, необходимаго для опредѣленія относительнаго достоинства его произведеній? Конечно, всякому образованному русскому было бы странно не знать, хотя приблизительно, когда жилъ Дельвигъ и кто его современники, но не знать этого иностранцу или только что начинающему знакомиться съ русской литературой — совершенно въ порядкѣ вещей.

Не находя предисловія, вы обращаетесь къ самому тексту, въ надеждѣ отыскать подъ каждымъ произведеніемъ указаніе времени, когда оно явилось, и на этихъ указаніяхъ основать свое сужденіе о его относительныхъ достоинствахъ и недостаткахъ. Указанія годовъ важны и потому, что они служатъ основаніемъ къ опредѣленію степени развитія таланта и направленія, въ немъ преобладающаго въ данное время. Но въ изданіяхъ г. Смирдина года почти нигдѣ не выставлены. Изъ стихотвореній Дельвига годъ означенъ только подъ сонетомъ къ русскому флоту (стр. 152 смирд. изд.), написаннымъ въ 1827 году и принадлежащимъ къ весьма немногимъ посмертнымъ произведеніямъ поэта.

Не находя этихъ важныхъ указаній, вы хотите узнать, по крайней мѣрѣ, гдѣ было напечатано то или другое произведеніе, чтобы судить, хотя приблизительно, о времени его появленія, обстоятельствахъ, его сопровождавшихъ, о томъ, сдѣланы ли въ немъ авторомъ, впоследствии, исправленія и перемѣны, и какія именно; во въ изданіи г. Смирдина и этого не оказывается, и потому вы не можете провести параллели между прочитаннымъ вами произведеніемъ и другими, ему современными, вы не можете слѣдить за развитіемъ таланта писателя, вы не можете обозначить времени, когда онъ находился подъ чужимъ вліяніемъ, когда и при какихъ обстоятельствахъ въ немъ явилось стремленіе къ самостоятельности, въ какомъ родѣ литературныхъ произведеній началась его дѣятельность, когда измѣнилось въ ней первоначальное направленіе, и т. п. Между тѣмъ всѣ эти подробности въ настоящемъ случаѣ необходимы, и безъ нихъ изданіе не достигаетъ своей цѣли. Необходимость ихъ была бы менѣе ощутительна въ изданіи сочиненій автора, произведенія котораго не утратили бы до такой степени своей современности, какъ произведенія большей части авторовъ, изданныхъ г. Смирдинымъ, и въ томъ числѣ Дельвига: въ изданіи сочиненій автора, которому мы еще сочувствуемъ въ полной мѣрѣ, указанные пропуски были бы менѣе замѣтны, потому что удовольствіе, которое намъ доставляютъ произведенія автора сами по себѣ, исключало бы всѣ другія случайныя требованія. Но въ изданіи сочиненій, которыя уже перешли для насъ изъ категоріи современныхъ къ произведеніямъ, имѣющимъ значеніе только относительное и любопытнымъ съ историко-литературной точки зрѣнія, всѣ неисчисленныя подробности составляютъ условіе первой важности, потому что безъ нихъ не можетъ разрѣшиться ни одно изъ приведенныхъ выше недоумѣній.

Не находя всѣхъ этихъ указаній въ изданіи г. Смирдина, вы, положимъ, рѣшаетесь сами собрать всѣ напечатанныя и ненапечатанныя свѣдѣнія объ авторѣ, а отъ «Полнаго Собранія» ожидаете только полноты, потому что и одно уже это достоинство можетъ принести огромную пользу. Но, къ сожалѣнію, и въ этомъ отношеніи «Полное Собраніе Сочиненій Русскихъ Авторовъ» такъ же неудовлетворительно, какъ и во всѣхъ другихъ. Не указывая въ частности на изданіе сочиненій каждаго автора, потому что это повело бы насъ слишкомъ далеко — притомъ же недостатокъ этотъ уже не разъ былъ замѣчаемъ при разборѣ сочиненій нѣкоторыхъ авторовъ — не можемъ не обратить вниманія читателей на неполноту «Полнаго Собранія Сочиненій Дельвига». Въ этомъ полномъ собраніи пропущены всѣ прозаическія сочиненія Дельвига, которыхъ хотя и не-

много, но которыя важны въ томъ отношеніи, что въ нихъ Дельвигъ является какъ критикъ и рецензентъ. Статьи эти, печатавшіяся въ «Литературной Газетѣ», которую издавалъ Дельвигъ, и въ нѣкоторыхъ другихъ изданіяхъ, являлись безъ подписи автора, и тѣмъ болѣе требовали бы помѣщенія въ полное изданіе, или, по крайней мѣрѣ, указанія на нихъ, что, по мѣрѣ того, какъ уменьшается число пріятелей и сотрудниковъ Пушкина и Дельвига, разрѣшеніе подобныхъ недоумѣній становится все труднѣе и труднѣе. Отличить и указать эти статьи, являвшіяся безъ подписи автора, еще есть возможность, чему приведены будутъ доказательства ниже. Можетъ быть, ктонибудь скажетъ, что намѣреніе г. Смирдина было издать только стихотворенія Дельвига; но въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ бы назвать свое изданіе: «Стихотворенія Дельвига», чтобы не ввести въ заблужденіе читателей, которые, судя по заглавію: «Сочиненія Дельвига», могли бы ожидать сочиненій и въ прозѣ и въ стихахъ, и, не найдя первыхъ, могли бы заключить, и весьма основательно, что Дельвигъ не сочинялъ въ прозѣ, потому что въ полномъ собраніи его сочиненій не оказалось въ прозѣ ничего, кромѣ заглавія.

Читатель надѣется, однакожь, найти въ изданіи сочиненій Дельвига по крайней мѣрѣ полное собраніе его стихотвореній. Но и этому, весьма ограниченному ожиданію не удовлетворяетъ смирдинское изданіе. Въ немъ пропущено болѣе тридцати стихотвореній Дельвига, напечатанныхъ въ разныхъ изданіяхъ; а такъ какъ въ изданіи г. Смирдина напечатано только 78 стихотвореній Дельвига, то значитъ, что въ этомъ полномъ собраніи пропущена почти третья часть его напечатанныхъ стихотвореній.

Вотъ списокъ всѣхъ пропущенныхъ въ смирдинскомъ изданіи стихотвореній Дельвига, въ хронологическомъ порядкѣ, съ указаніемъ, гдѣ они были напечатаны:

Въ «Вѣстникѣ Европы» 1814 года:

- 1) *На взятіе Парижа*, часть LXXV, іюнь, № 12, стр. 272.
- 2) *Къ поэту-математику*, ч. LXXVIII, ноябрь, № 21, стр. 24.
- 3) *Старикъ*, ч. LXXVIII, ноябрь, № 22, стр. 98.
- 4) *Эпиграмма* («Поэтъ надутый Клитъ»), ч. LXXVIII, ноябрь, № 22, стр. 101.

Въ «Россійскомъ Музеумѣ или Журналѣ Европейскихъ Новостей», изд. Владиміромъ Измайловымъ, 1815 г.:

- 5) *Къ Темиръ*, ч. I, стр. 266. Стихотвореніе это было перепечатано въ «Благонамѣренномъ», Александра Измайлова, 1818 г., ч. II, стр. 11, съ нѣкоторыми исправленіями.
- 6) *Фіалка и роза*, ч. II, стр. 135.

7) *Къ Т — су* (Таушеву), ч. II, стр. 136.

8) *Къ большому Г**** (Горчакову), ч. II, стр. 267.

Въ «Сынѣ Отечества» 1817 года :

9) *Прощальная пьсьнь воспитанниковъ Царскосельскаго Лицея*, № XXVI, стр. 260.

Въ «Украинскомъ Вѣстникѣ» 1817 г. :

10) *Къ П — ну* (Пушкину) въ альбомѣ, августъ, стр. 228.

Въ «Благонамѣренномъ» :

11) *А. С. Пушкину* (изъ Малороссіи), 1818 г., ч. II, стр. 13.

12) *Къ Илличевскому*, 1818 г., ч. IV, стр. 267.

Въ «Трудахъ Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности» (или «Соревнователь просвѣщенія и благотворенія») :

13) *Утѣшеніе бѣднаго Поэта*, 1819 г., ч. VIII, стр. 96.

14) *Видѣніе*, 1820 г., ч. IX, стр. 314.

15) *Тихая жизнь*, 1820 г., ч. X, стр. 87.

16) *Разговоръ съ геніемъ*, 1820 г., ч. X, стр. 303.

17) *Къ Шульгину*, 1820 г., ч. XII, стр. 207.

18) *Дивирамбъ*, 1820, г., ч. XII, стр. 212.

19) *Эпитафія* («Завидуйте моей судьбѣ»), 1821 г., ч. XIII, стр. 399.

20) *Къ Собиу*, 1824 г., ч. XXVII, стр. 6.

Въ «Невскомъ Зрителѣ» 1820 г. :

21) *Элегія* (къ Яхонтову), ч. I, февраль, стр. 87.

22) *Купидону* (Надпись къ статуѣ), ч. I, февраль, стр. 94.

23) *Къ Т — ой*, ч. I, мартъ, стр. 62.

Въ альманахѣ «Царское Село», изданномъ на 1830 годъ Н. Коннымъ и барономъ Розеномъ :

24) *Пьсьня* («Что ты, пастушка, приуныла?»), стр. 5. Стихотвореніе это было перепечатано въ «Розѣ Грацій, или собраніи стихотвореній для прекраснаго пола» на 1831 г. (Москва), стр. 17.

25) *Застольная пьсьня*, стр. 138.

Въ «Денницѣ», альманахѣ на 1830 годъ, изданномъ М. Максимовичемъ :

26) *Русская пьсьня* («По небу»), стр. 166.

Въ «Литературной Газетѣ», изданной Дельвигомъ и Сомовымъ :

27) *Къ П** (П. А. Плетневу), при посылкѣ стихотвореній, 1830 г., т. II, № 55, стр. 152.

29) *Поэтъ*, 1830 г., т. II, № 48, стр. 92.

29) *Поля*, 1831 г., т. II, № 36, стр. 292.

Въ «Полярной Звѣздѣ», альманахѣ, изданномъ въ Москвѣ, въ 1832 году :

30) *Пьсьня* («Не воркуй, касаточка»), стр. 129.

31) *Беспда*, стр. 146.

Въ принадлежности этихъ двухъ стихотвореній (*Пьсьня и Беспда*) Дельвигу мы имѣемъ нѣкоторыя причины сомнѣваться. Причины нашихъ сомнѣній и самыя стихотворенія будутъ приведены на своемъ мѣстѣ, въ одной изъ слѣдующихъ статей.

Въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1839 г. :

32) *Русская пьсьня* («Я вечеръ въ саду младшенька гуляла»), № I, стр. 1.

Изъ этихъ стихотвореній одно (*Поэтъ*) явилось безъ подписи, два (*На взятіе Парижа* и *Къ П**) — подъ псевдонимами, всѣ же остальные — или съ полною подписью автора, или съ означеніемъ одной или нѣсколькихъ буквъ его фамилии.

Всѣ эти стихотворенія будутъ приведены ниже, каждое на своемъ мѣстѣ, съ объясненіемъ псевдонимовъ, съ доказательствами, почему каждое изъ нихъ принадлежитъ Дельвигу, и вообще съ надлежащими примѣчаніями. Несмотря на то, что большая часть этихъ стихотвореній слаба и во всѣхъ другихъ случаяхъ не стояла бы никакого вниманія, мы не рѣшаемся ни на какіе пропуски, для того, чтобы каждый изъ читателей самъ имѣлъ подъ рукою всѣ факты для опредѣленія литературной дѣятельности поэта.

Понятно, когда самъ авторъ, издавая свои стихотворенія, пропускаетъ тѣ изъ нихъ, которыя, по его мнѣнію, не заслуживаютъ быть перепечатанными: на это онъ можетъ имѣть многія уважительныя причины; но издатель *полнаго* собранія сочиненій дѣлать подобныя пропуски не долженъ. *Полное* изданіе не допускаетъ выбора: въ немъ должно быть напечатано *все*, что написано авторомъ; а судить о степени достоинства того или другого произведенія — дѣло критики и читателей. Впрочемъ, въ настоящемъ случаѣ основаніе пропусковъ — единственно незнаніе издателя, потому что, какъ увидимъ дальше, пропущены нѣкоторыя, весьма, впрочемъ, немногія, изъ лучшихъ стихотвореній Дельвига, и перепечатано *все*, въ томъ числѣ многое и весьма плохое, изъ перваго изданія.

Кромѣ того нашлось нѣсколько стихотвореній Дельвига ненапечатанныхъ, но сохранившихся въ спискахъ или въ памяти друзей поэта и также имѣющихъ право занять мѣсто въ полномъ собраніи его сочиненій. Мы постараемся представить читателямъ нѣкоторыя и изъ ненапечатанныхъ стихотвореній Дельвига.

При разсмотрѣніи смирдинскаго изданія сочиненій Дельвига оказывается, что оно просто перепечатано съ перваго изданія, и

не только слово въ слово, но даже съ тѣми же опечатками (*), съ тѣмъ же эпиграфомъ изъ стихотворенія Гёте («*der Sanger*») (въ которомъ, однакожь, не обошлось безъ ошибки противъ языка) и даже въ томъ же порядкѣ.

Но, прочитавъ *Эпиграфъ* (стр. 132), вы находите, однакожь, прибавленіе къ прежнему изданію, именно: *Сочиненія Дельвига, напечатанныя послѣ его смерти*, — прибавленіе весьма существенное. Но что же оказывается? Изъ *тринадцати* стихотвореній, помѣщенныхъ въ этомъ прибавленіи, *только пять* были напечатаны дѣйствительно по смерти поэта; *остальные же восемь напечатаны больше чѣмъ за годъ до его кончины!* Этотъ странный промахъ произошелъ потому, что издатель, вѣроятно, не зная опредѣлительно времени кончины Дельвига, и, полагая, что онъ умеръ скоро послѣ изданія своихъ стихотвореній, перепечаталъ изъ «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» на 1830 годъ (изданныхъ Дельвигомъ же!) и выдалъ за посмертныя тѣ стихотворенія, которыя не вошли въ первое изданіе его стихотвореній. Ошибка эта тѣмъ страннѣе, что въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1832 годъ, изданныхъ уже Пушкинымъ, напечатаны пять стихотвореній, найденныхъ въ бумагахъ поэта, и тѣмъ самымъ указано, какія именно изъ произведеній автора можно считать посмертными. Послѣ этого было найдено и напечатано еще нѣсколько стихотвореній Дельвига; но они не попали въ изданіе г. Смирдина. О тѣхъ и другихъ будетъ сказано на своемъ мѣстѣ.

Единственное измѣненіе смирдинскаго изданія противъ перваго изданія стихотвореній Дельвига состоитъ въ томъ, что оглавленіе, которое прежде было составлено систематически, по группамъ однородныхъ стихотвореній, теперь перепечатано безъ всякой системы, съ означеніемъ стихотвореній въ томъ порядкѣ, въ которомъ они напечатаны. Но такую перемену едва ли можно считать улучшеніемъ.

Итакъ, новое изданіе сочиненій Дельвига не удовлетворяетъ даже самымъ умѣреннымъ требованіямъ. Требования эти и степень

(*). Такъ, напр., въ идилліи «Демонъ», на стр. 7, во второй строкѣ, напечатано:

«Взглянулъ я на кудри сѣдые, *взглянулъ* и промолвилъ....»

вмѣсто:

«Взглянулъ я на кудри сѣдые, *вздоснулъ* и промолвилъ....»

Въ стихотвореніи «Луна» (стр. 24), въ пятой строкѣ, напечатано:

«Въ душѣ замутилось, я *лико* *вздохнулъ*....»

вмѣсто:

«Въ душѣ замутилось, я *лико* *вздохнулъ*....»

Опечатки эти были оговорены авторомъ въ концѣ книги, и тѣмъ страннѣе встрѣчать ихъ въ позднѣйшемъ изданіи.

неудовлетворенія имъ были показаны выше. Для бѣльшей же ясности представляемъ общій выводъ сдѣланныхъ нами замѣчаній

Главнѣйшіе недостатки смирдинскаго изданія сочиненій Дельвига: 1) неполнота, 2) отсутствіе системы и 3) измѣненіе фактовъ.

Неполнота изданія состоитъ въ пропускахъ:

- 1) предисловія,
- 2) біографіи,
- 3) всѣхъ прозаическихъ сочиненій,
- 4) многихъ стихотвореній, какъ напечатанныхъ, такъ и ненапечатанныхъ,
- 5) варіантовъ,
- 6) означенія годовъ подъ каждымъ стихотвореніемъ,
- 7) указаній, гдѣ было напечатано каждое стихотвореніе,
- 7) примѣчаній и объясненій,
- 9) сужденій о Дельвигѣ или, по крайней мѣрѣ, указанія всего, что было о немъ написано.

Отсутствіе системы обнаруживается:

- 1) сохраненіемъ того произвольнаго порядка, въ которомъ напечатаны были стихотворенія Дельвига при его жизни, —
- 2) уничтоженіемъ системы въ оглавленіи.

Измѣненіе фактовъ состоитъ:

- 1) въ произвольномъ, хотя и неумышленномъ, уменьшеніи литературной дѣятельности автора, помѣщеніемъ въ полномъ собраніи его сочиненій менѣе половины всего имъ написаннаго и напечатаннаго (считая и прозу), и
- 2) причисленіемъ къ посмертнымъ стихотвореніямъ осьми такихъ, которыя были напечатаны слишкомъ за годъ до смерти поэта.

Читатель имѣлъ бы полное право обвинить пишущаго эти строки въ излишней требовательности и строгости, еслибъ не было возможности избѣгнуть указанныхъ недостатковъ и еслибъ авторъ этой статьи ограничился только ихъ указаніемъ. Дѣйствительно, указать ошибки, не сдѣлавъ ничего къ ихъ исправленію, есть только первый шагъ къ цѣли, и критика, конечно, не должна останавливаться на этомъ шагѣ. Напротивъ, указавъ недостатки, она должна указать и средства къ ихъ исправленію или даже исправить ихъ; замѣтивъ неполноту и пропуски, пополнить, на сколько возможно, всѣ пробѣлы, и, собравъ на-лицо всѣ факты, опредѣлить, на основаніи ихъ, литературное значеніе автора. Это мы и постараемся сдѣлать въ отношеніи къ изданію сочиненій Дельвига.

Поэтому, прежде чѣмъ приступить къ критическому разбору его произведеній, мы сообщимъ объ авторѣ тѣ немногія біографическія

свѣдѣнія, которыя намъ удалось собрать, а потомъ уже займемся обзорѣмъ его литературной дѣятельности, раздѣливъ это обзорѣніе по группамъ однородныхъ произведеній въ слѣдующемъ порядкѣ: сначала рассмотримъ лирическія подражанія древнимъ, потомъ идилліи, элегіи, пѣсни, романсы, сонеты, прозаическія сочиненія, переводы стихотвореній Дельвига на иностранныя языки, и наконецъ представимъ хронологическій перечень *всѣхъ* его произведеній, съ указаніемъ, гдѣ они были напечатаны.

Такая программа, по необходимости, сдѣлаетъ нашъ этюдъ слишкомъ длиннымъ для одной книжки журнала и, главное, для терпѣнія нашихъ читателей. Это заставляетъ насъ раздѣлить его на нѣсколько статей, которыя, однакожь, всѣ лягутъ въ теченіе этого года.

II.

Бѣдность біографическихъ свѣдѣній о Дельвигѣ. — Его происхождение и рожденіе. — Первоначальное воспитаніе. — Открытіе Царскосельскаго Лицея. — Вступленіе въ Лицей. — Предметы и способъ преподаванія. — Способности и характеръ Дельвига. — Его лицейская жизнь. — Первые стихотворные опыты. — Литературное общество въ Лицеѣ. — Дружба съ Пушкинымъ. — Ихъ вліяніе другъ на друга. — Выпускъ изъ Лицея. — Актъ. — Прощальная пѣснь.

Большой части русскихъ читателей извѣстно по наслышкѣ, а нѣкоторымъ изъ нихъ, можетъ быть, и по опыту, до какой степени трудно получить обстоятельныя біографическія свѣдѣнія о какомъ бы то ни было лицѣ. Трудность эта еще болѣе ощутительна, когда жизнь извѣстнаго лица незамѣчательна внѣшними явленіями, всегда болѣе замѣтными и памятными для простыхъ наблюдателей; а жизнь литератора вообще, какъ жизнь преимущественно умышленная, кабинетная, обыкновенно бываетъ бѣдна происшествіями, западающими въ память людей постороннихъ. Жизнь Дельвига принадлежитъ къ этой категоріи. Самымъ лучшимъ и почти единственнымъ біографическимъ матеріаломъ въ подобныхъ случаяхъ могутъ служить записки самого автора, его переписка, сочиненія, замѣтки людей, ему близкихъ, и т. п.; но и этими данными можно воспользоваться не всегда или, по крайней мѣрѣ, не въ желаемой степени. Хорошо еще, если авторъ имѣлъ обыкновеніе, хотя изрѣдка, записывать свои впечатлѣнія, если велъ значительную переписку и если все это сохранилось для потомства: въ такомъ случаѣ всѣ эти данныя послужили бы важнымъ пособіемъ для біографа. Но Дельвигъ не велъ никакихъ записокъ: онъ былъ слишкомъ беззаботенъ и лѣнивъ для этого, и, по той же причинѣ, рѣдко писалъ

къ своимъ пріятелямъ. Въ этомъ отношеніи онъ составляетъ рѣзкую противоположность Пушкину, несмотря на одинаковость воспитанія, направленія, образа мыслей и вообще внѣшнихъ условій умственного развитія обѣихъ личностей: Пушкинъ постоянно записывалъ все, что думалъ, чувствовалъ, видѣлъ и слышалъ. Записывать свои впечатлѣнія было потребностью великаго поэта, и его записки представляютъ богатый матеріалъ для исторіи современной литературы и общества. Въ нихъ нѣтъ ни системы, ни связи, потому что поэтъ не смотрѣлъ на свои замѣтки какъ на что-то обязательное, за которое принимался каждый день неохотно, какъ за давно прискучившую обязанность; въ нихъ все отрывочно, все написано подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія, — но эта-то непринужденность и свѣжесть впечатлѣній составляютъ ихъ величайшее достоинство. Дельвигъ не записывалъ ничего. Несмотря на свою впечатлительность, онъ не чувствовалъ такой постоянной потребности высказываться, или, по крайней мѣрѣ, потребность эта въ немъ была пересиливаема лѣнностью и вообще флегматичностью его натуры. Онъ былъ восприимчивъ ко всякаго рода впечатлѣніямъ, но лѣнивъ на передачу ихъ, и только огненная натура Пушкина могла вызывать его къ дѣятельности. Даже на переписку съ пріятелями Дельвигъ былъ лѣнивъ до чрезвычайности и ограничивался въ этихъ случаяхъ только крайнею необходимостью: онъ не любилъ вообще процесса писанія, и процессъ этотъ нелегко давался нашему поэту, который писалъ съ видимымъ усиленіемъ, нечетко и въ высшей степени неразборчиво. Писемъ его осталось весьма немного, и тѣ, по крайней мѣрѣ извѣстныя намъ, ни въ какомъ отношеніи не замѣчательны. Изъ бумагъ, оставшихся по смерти поэта, напечатано только нѣсколько (отъ семи до девяти) стихотвореній, а остальное (по крайней мѣрѣ большая часть, и что именно — неизвѣстно) пропало (*). Весьма важнымъ пособіемъ для біографа могли бы служить письма, писанныя къ Дельвигу, и преимущественно письма Пушкина и Баратынскаго, съ которыми нашъ поэтъ постоянно былъ въ самой тѣсной дружбѣ. Но, по смерти Дель-

(*) По смерти Дельвига, многія бумаги его: письма, стихотворенія, въ томъ числѣ и неизданныя, остались у его пріятеля и сослуживца по Публичной Библиотецѣ, извѣстнаго лексикографа Эртеля, который умеръ въ 1846 г. Вдова Эртеля, желая издать труды своего мужа и хранившіяся у него сочиненія Дельвига, поручила привести въ порядокъ эти бумаги родственнику своему инженеръ-капитану Гаусманну, находившемуся тогда на службѣ въ Финляндіи. Г. Гаусманнъ, отправляясь изъ Петербурга, по окончаніи отпуска, къ мѣсту своего служенія, взялъ эти бумаги съ собою для приведенія ихъ въ порядокъ. При проѣздѣ ночью черезъ сломанный лахтинскій мостъ, связка съ бумагами, отъ сильнаго толчка, была выброшена изъ экипажа и попала, вѣроятно, въ воду, потому что, несмотря на тщательные поиски тогда же и на другой день, не было найдено ни одного листка. Свѣдѣніе это сообщено автору вдовой Эртеля и г. Гаусманномъ.

вига въ 1831 году, оба поэта, разбирая бумаги покойнаго и не желая, чтобы переписка ихъ попала въ недостойныя руки, уничтожили (говорить) свои письма (*), и такимъ образомъ русская литература лишилась, можетъ быть, образцовыхъ и, во всякомъ случаѣ, весьма замѣчательныхъ произведеній. Автору этой статьи посчастливилось, однакожь, найти нѣсколько неизданныхъ писемъ Пушкина къ Дельвигу, которыя, въ числѣ другихъ фактовъ, могутъ служить къ объясненію ихъ взаимныхъ отношеній, и потому нѣкоторыя изъ нихъ будутъ напечатаны на своемъ мѣстѣ. Еще болѣе важную потерю, и какъ матеріалъ для предмета нашей статьи, и вообще какъ достояніе русской литературы, составляетъ автобіографія Пушкина, начатая въ 1821 году и веденная нѣсколько лѣтъ сряду. Великій поэтъ, приступая (уже гораздо позже) къ описанію своей родословной, которая, безъ сомнѣнія, была началомъ новой автобіографіи, сожалѣетъ о потерѣ своихъ записокъ, потому что онъ «въ нихъ говорилъ о людяхъ, которые послѣ сдѣлались историческими лицами, съ откровенностію дружбы или короткаго знакомства» (**). Нѣтъ сомнѣнія, что въ числѣ этихъ людей былъ и Дельвигъ, съ которымъ великій поэтъ былъ друженъ съ двѣнадцатилѣтняго возраста.

Итакъ, всѣ неизданные матеріалы для біографіи Дельвига, то есть: бумаги, оставшіяся послѣ его смерти, его переписка и записки Пушкина, — все это пропало невозвратно, и нишучему эти строки осталось искать матеріаловъ для своей статьи или въ памяти друзей и родныхъ поэта, или въ напечатанныхъ въ разное время краткихъ и отрывочныхъ свѣдѣніяхъ о его жизни.

Но воспоминанія людей, даже близко знавшихъ поэта, ограничиваются весьма немногими и неважными случаями, рассказами о его характерѣ и образѣ жизни и анекдотами, изъ которыхъ болшая часть совѣтъ не для печати.

Свѣдѣній о Дельвигѣ напечатанныхъ также оказалось немного. По какому-то странному случаю, о немъ даже не упомянуто не только въ «Опытѣ Исторіи Русской Литературы» г. Греча, въ которомъ, однакожь, есть краткія біографическія свѣдѣнія о Пушкинѣ и нѣкоторыхъ другихъ современникахъ Дельвига, но даже въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ» (въ которомъ буква *Д* помѣщена) и въ «Словарѣ достопамятныхъ людей русской земли» Бантышъ-Каменскаго. Изъ немногихъ

(*) Это свѣдѣніе, весьма впрочемъ сомнительное, сообщено, чрезъ посредство барона А. И. Дельвига, вдовою поэта Софьей Михайловной, которая теперь въ замужествѣ за С. А. Баратынскимъ, братомъ покойнаго поэта.

(**) Сочиненія А. Пушкина, т. XI, «Отрывки изъ записокъ А. С. Пушкина», стр. 193.

напечатанныхъ біографическихъ извѣстій о Дельвигѣ самыя замѣчательныя во всѣхъ отношеніяхъ встрѣчаются въ сочиненіяхъ Пушкина. Въ нихъ находимъ мы коротенькую біографію поэта (1), написанную, вѣроятно, скоро послѣ его смерти, нѣсколько отрывочныхъ, но въ высшей степени интересныхъ замѣтокъ о немъ (2) и весьма частыя обращенія къ нему, по разнымъ случаямъ, въ стихотвореніяхъ. Вообще въ собраніи сочиненій Пушкина (изд. 1838 г.) о Дельвигѣ упоминается въ двадцати мѣстахъ (3). Кромѣ того о немъ говорится въ одномъ стихотвореніи Пушкина, непомѣщенномъ въ собраніи его сочиненій («Посланіе къ Г...у») (Галичу) и явившемся безъ имени поэта (4), и найдено еще неизданное посланіе Пушкина къ Дельвигу. Вообще болшая часть всего, что только извѣстно о Дельвигѣ, передано Пушкинымъ, и замѣтки великаго поэта о своемъ другѣ, даже только обращенія къ нему въ стихотвореніяхъ, составляютъ важнѣйшій и почти единственный матеріалъ для его біографіи. Кромѣ этого источника нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія о Дельвигѣ находимъ въ статьѣ П. А. Плетнева, напечатанной черезъ нѣсколько дней по смерти поэта, въ «Литературной Газетѣ» (5), и двухъ незначительныхъ рассказахъ о немъ, въ «Русскомъ Альманахѣ» на 1832 и 1833 годы, изданномъ Эртелемъ и Глѣбовымъ (6).

При такой бѣдности матеріаловъ и при совершенной невозможности получить полныя и обстоятельныя свѣдѣнія о жизни поэта, какъ это уже сказано выше, предлагаемая біографія, по необходимости, не можетъ явиться полною въ желаемой степени: въ ней неизбежно отразится скудность фактовъ и неизбежно встрѣтятся нѣсколько пробѣловъ.

(1) Сочиненія А. Пушкина. Т. XI, стр. 57.

(2) Сочиненія А. Пушкина Т. XI. Англоты, стр. 173, 176 и 177.

(3) Именно: Т. I, стр. 154, Т. III, стр. 49, 96, 127, 154 и 157, Т. IV, стр. 249, т. IX, стр. 131, 158, 218, 338, 349, 352, 357 и 457, и т. XI, стр. 57, 173, 176, 232 и 233.

(4) «Россійскій Музеумъ, или Журналъ Европейскихъ Новостей», изд. Владимиромъ Измайловымъ. Москва. 1815 г. Ч. IV, стр. 3. Подъ этимъ стихотвореніемъ подписано: 1... 16—14, т. е. А. П. — н. Предположеніе, что это стихотвореніе принадлежитъ Пушкину, вполне подтверждается еще тѣмъ, что въ рукописной тетради напечатанныхъ лицейскихъ стихотвореній, принадлежавшей одному изъ его товарищей, въ числѣ стихотвореній Пушкина показано и это, съ указаніемъ, что оно напечатано въ «Россійскомъ Музеумѣ».

(5) «Литературная Газета» 1831 г. Т. III, № 4, стр. 3. Этотъ номеръ газеты, въ которомъ напечатана была эта «Некрологія», начинался статьею (*Женщина*), подъ которою въ первый разъ явилась подпись: *Н. Гоголь*.

(6) *Russischer Almanach für 1832 und 1833*, von W. Oertel und A. Glielov. St. Petersburg. 1832. Стр. 418—438 и 441.

Теперь, указавъ на недостатокъ данныхъ, не столько съ цѣлю самооправданія за будущіе неизбежные пропуски, какъ сколько на фактъ важный для предмета статьи, приступаемъ къ біографіи поэта.

Баронъ Антонъ Антоновичъ Дельвигъ родился въ Москвѣ, 6 августа 1798 года (*). Онъ происходилъ изъ древней фамиліи бароновъ въ Лифляндіи, гдѣ и теперь встрѣчается довольно много его однофамильцевъ. Единственное печатное указаніе родословной нашего поэта встрѣчаемъ у Пушкина, въ стихотвореніи «Черепъ», въ которомъ поэтъ рассказываетъ своему другу о судьбѣ бранныхъ останковъ его дѣда (**). Поэзія менѣе всего имѣетъ примѣненія къ генеалогіи, и хотя мы не намѣрены объяснять родословную Дельвига на основаніи посланія къ нему Пушкина, но для тѣхъ, которые хотѣли бы возобновить въ памяти портретъ одного изъ его предковъ, приводимъ это посланіе вполнѣ (тѣмъ болѣе, что въ немъ говорится и о нашемъ поэтѣ); но не ручаемся за сходство портрета, вполнѣ довольствуясь мастерскою бойкостью его отдѣлки:

«Прими сей черепъ, Д*: онъ
Принадлежитъ тебѣ по праву.

Тебѣ повѣдаю, баронъ,
Его готическую славу.

Почтенный черепъ сей не разъ
Парами Вахха нагрѣвался;
Литовскій мечъ въ недобрый часъ

(*) Сообщено двоюроднымъ братомъ поэта, полковникомъ барономъ А. И. Дельвигомъ, благосклонности котораго авторъ предлагаемой статьи обязавъ многими указаніями. Время рожденія Дельвига также показано и въ статьѣ Н. А. Плетнева (Литературная Газета 1831 г., № 4, стр. 31); въ статьѣ же Пушкина (Сочиненія Пушкина. т. XI, стр. 57) показанъ только годъ, а мѣсяцъ и число не выставлены.

(**) Сочиненія Пушкина, т. III, стр. 157. Стихотвореніе это впервые было напечатано въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1828 годъ, стр. 100, подъ заглавіемъ: «Черепъ. Посланіе къ Д.» (безъ сомнѣнія, къ Дельвигу.) Оно подписано было буквою Я., и потому многие принимали его за стихотвореніе Языкова. Пушкинъ подписалъ его буквою Я, говоря, что всѣ узнаютъ, что это — я, и не ошибался, потому что стихъ его не могъ быть не узнанъ. Въ это время Пушкинъ жилъ въ селѣ Михайловскомъ и дѣятельно работалъ. Стихотвореніе «Черепъ» можетъ служить примѣромъ строгости поэта къ самому себѣ: великій художникъ не допускалъ поспѣшности и неоконченности въ своихъ произведеніяхъ, и стихотвореніе это, начатое еще въ июль (а можетъ быть и раньше), было кончено только въ октябрѣ. Въ письмѣ отъ 31 июля 1827 г. (неизданномъ), Пушкинъ, посылая къ Дельвигу для «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» злетію «Подъ небомъ голубымъ страны своей родной», пишетъ къ нему, между прочимъ, слѣдующее: «Если кончу посланіе къ тебѣ о черепѣ твоего дѣда, то мы и его писемъ.» Слѣдовательно, стихотвореніе это было тогда уже начато, и поэтъ не былъ увѣренъ, что онъ скоро его кончитъ. Незданное письмо Пушкина, изъ котораго здѣсь приведена выписка, будетъ напечатано ниже.

Прим. авт.

По немъ со звономъ ударялся;
Сквозь эту кость не проходилъ
Лучъ животворный Аполлона;
Ну, словомъ, черепъ сей хранилъ
Тяжеловѣсный мозгъ барона,
Барона Д*. Баронъ
Конечно былъ охотникъ славный,
Наѣздникъ, чаши другъ исправный,
Гроза вассаловъ и ихъ женъ.
Мой другъ, таковъ былъ вѣкъ суровый;
И предокъ твой крѣпкоголовый
Смутился бѣ рыцарской душой,
Когда бѣ тебя передъ собой
Увидѣлъ безъ одежды бранной,
Съ главою, миртами вѣнчанной,
Въ очкахъ (*) и съ лирой золотой.

Покойникомъ въ церковной книгѣ
Ужъ былъ давно записанъ онъ,
И съ предками своими въ Ригѣ
Вкушалъ непробудимый сонъ.
Баронъ въ обители печальной
Доволенъ впрочемъ былъ судьбой,
Пастора лестью погребальной,
Гербомъ гробницы феодальной
И эпитафией плохой.
Но въ наши безпокойны годы
Покойникамъ покою нѣтъ.
Косматый баловень природы,
И математикъ, и поэтъ,
Буянъ задумчивый и важный,
Хирургъ, юристъ, физиологъ,
Идеологъ и филологъ,
Короче вамъ — студентъ присяжный,
Съ витою трубкою въ зубахъ,
Въ плащѣ, съ дубиной и въ усахъ
Явился въ Ригѣ. Тамъ спѣсиво
Въ трактирахъ сталъ онъ пѣнить пиво,
Въ дыму табачныхъ облаковъ;
Бродить надъ берегами моря,

(*) Дельвигъ былъ очень близорукъ и носилъ очки съ юношескаго возраста. На портретѣ Дельвига, писанномъ еще въ Лицѣ (акварель) и находящемся у бывшаго директора Лицея, Е. А. Энгельгарта, нашъ поэтъ изображенъ въ очкахъ и въ лицейскомъ сюртукѣ. На другихъ портретахъ, изъ которыхъ самый похожій — приложенный къ альманаху «Царское Село», Дельвигъ также изображенъ въ очкахъ.

Прим. авт.

Мечтать объ Лотхенъ, или съ горя
 Стихи писать, да бить Жидовъ.
 Студентъ подь лѣстницей трактира
 Въ коморкѣ темной жилъ одинъ.
 Тамъ, въ видѣ зеркаль и картинъ,
 Короткій плащъ, картузь, рапира
 Висѣли на стѣнѣ рядкомъ.
 Подуизмаранный альбомъ,
 Творенья Фихте и Платона,
 Да два восточныхъ лексикона,
 Подь паутиною въ углу
 Лежали грудой на полу, —
 Предметъ занятій разнородныхъ
 Ученаго, да крысь голодныхъ.
 Мы знаемъ: роскоши пустой
 Почтенный мыслитель не ищетъ;
 Смѣясь надъ глухой суетой,
 Въ чуланѣ онъ безвѣчно свищетъ:
 Умѣренность, вѣщаль мудрецъ,
 Сердечъ высокихъ отпечатокъ.
 Студентъ, однакожь, наконецъ
 Замѣтилъ важный недостатокъ
 Въ своемъ быту: ему предметъ
 Необходимый былъ.... скелетъ,
 Предметъ философамъ любезный,
 Предметъ пріятный и полезный
 Для глазъ и сердца, слова нѣтъ.
 Но гдѣ достанетъ онъ скелетъ?
 Вотъ онъ однажды въ воскресенье
 Сошелся съ кистеромъ градскимъ,
 И, тотчасъ взявъ въ соображенье,
 Его характеръ и служенье,
 Рѣшился подружиться съ нимъ.
 За кружкой пива, мой мечтатель (*)
 Открылся кистеру душой,
 И говорить: нельзя ль, пріятель,
 Тебѣ досужною порой
 Свести меня въ подвалъ могильный,
 Костями праздными обильный,
 И, между тѣмъ, одинъ скелетъ
 Помочь мнѣ вынести на свѣтъ?
 Клянусь тебѣ Айдесскимъ богомъ:

(*) Въ изданіи сочиненій Пушкина, извѣстномъ всевозможными несправно-
 стями, эта строчка напечатана съ ошибкою: вмѣсто слова *мечтатель*, постав-
 лено *герой*, отчего одно слово вовсе осталось безъ рѣшмы, а на другое ихъ
 пришлось три.

Прим. авт.

Онъ будетъ дружбы мнѣ залогомъ,
 И до моихъ послѣднихъ дней
 Красой обители моей.
 Смутился кистеръ изумленный.
 «Что за желанье? что за страсть?
 Итти въ подвалъ уединенный,
 Встревожить мертвыхъ сонмъ (*) почтенный,
 И одного изъ нихъ украсть!
 И кто же?... Онъ, гробовъ хранитель!
 Что скажутъ мертвые потомъ?»
 Но пиво, страха усыпитель,
 И гнѣвной совѣсти смиритель,
 Сомнѣнья разрѣшило въ немъ.
 Ну, такъ и быть! Даетъ онъ слово,
 Что къ ночи будетъ все готово,
 И другу назначаетъ часъ.
 Они разстались.

День угасъ.

Настала ночь. Плащемъ покрытый,
 Стоить герой нашъ знаменитый
 У галереи гробовой,
 И съ нимъ преступный кистеръ мой,
 Держа въ рукѣ фонарь разбитый,
 Готовъ на подвигъ роковой.
 И вотъ визжитъ замокъ заржавый,
 Визжитъ предательская дверь —
 И сходятъ витязи теперь
 Во мракъ подвала величавый.
 Сіянемъ тощимъ фонаря
 Глухіе своды озаря,
 Идутъ, — и эхо гробовое,
 Смущенное въ своемъ покоѣ,
 Протяжно вторитъ звукъ шаговъ.
 Предъ ними длинный рядъ гробовъ;
 Вездѣ щиты, гербы, короны;
 Въ тщеславномъ тлѣніи кругомъ
 Почіютъ непробуднымъ сномъ
 Высокородные бароны....

Я бы никакъ не осмѣлился оставить рѣшмы въ эту поэтическую ми-
 нуту, если бы твой прадѣдъ, коего гробъ попался подь руку студента,
 вздумалъ за себя вступиться, ухватя его за воротъ, или погрозивъ ему
 костянымъ кулакомъ, или какъ нибудь иначе оказавъ свое неудоволь-
 ствие; къ несчастію, похищенье совершилось благополучно. Студентъ
 по частямъ разобралъ всего барона, и набилъ карманы костями его.

(*) Въ изданіи сочиненій Пушкина вмѣсто *сонмъ* напечатано *сонъ*.

Прим. авт.

Возвратясь домой, онъ очень искусно связалъ ихъ проволокою, и такимъ образомъ составилъ себѣ скелетъ очень порядочный. Но вскорѣ молва о перенесеніи бароновыхъ костей изъ погреба въ трактирный чуланъ разнеслась по городу. Преступный кистеръ лишился мѣста, а студентъ принужденъ былъ бѣжать изъ Риги, и какъ обстоятельства не позволяли ему брать съ собою *будущаго*, то, разобравъ опять барона, раздарилъ онъ его своимъ друзьямъ. Большая часть высокородныхъ костей досталась аптекарю. Мой пріятель В. получилъ въ подарокъ черепъ, и держалъ въ немъ табакъ. Онъ разсказалъ мнѣ его исторію, и, зная сколько я тебя люблю, уступилъ мнѣ черепъ одного изъ тѣхъ, которыми обязанъ я твоимъ существованіемъ.

Прими жь сей черепъ, Д*: онъ
Принадлежитъ тебѣ по праву.
Обдѣлай ты его, баронъ,
Въ благопристойную оправу.
Издѣлье гроба преврати
Въ увеселительную чашу,
Виномъ кипящимъ освяти,
Да запивай уху да нашу.
Пѣвцу Корсара подражай (*),
И Скандинавовъ рай воинской
Въ пирахъ домашнихъ воскрешай;
Или, какъ Гамлетъ-Баратынской,
Надъ нимъ задумчиво мечтай (**):
О жизни мертвыхъ проповѣдникъ,
Виномъ ли полный или пустой,
Для мудреца, какъ собесѣдникъ,
Онъ стоитъ головы живой.»

Отъ этого воинственнаго барона, неотъемлемую собственность котораго составлялъ воспѣтый черепъ, происходилъ, въ болѣе или

(*) У Байрова была чаша, сдѣланная изъ черепа. На ней было вырѣзано стихотвореніе, написанное Байровомъ въ 1808 году, которое, безъ сомнѣнія, Пушкинъ имѣлъ въ виду, сочиняя приведенное посланіе. При этомъ кстати вспомнимъ и о Юнгѣ, получившемъ отъ кого-то въ подарокъ черепъ, обращенный въ подвѣщникъ, который служилъ бы ему при сочиненіи его «Ночей».

Прим. авт.

(**) У Баратынскаго есть превосходное стихотвореніе «Черепъ», напечатанное въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» 1825 года, на стр. 282, съ подписью Е. Б. Въ изданіи стихотвореній Баратынскаго 1835 года, оно перепечатано въ первой части на стр. 186, и послѣднія восемь строкъ замѣнены тремя новыми четырехстрочными строфами. *Сто-Одинъ* въ статьѣ о Баратынскомъ (въ Отечественныхъ Запискахъ) объясняетъ слѣдующимъ образомъ, и совершенно основательно, подмѣченное Пушкинымъ сходство Баратынскаго съ Гамлетомъ: «Въ обоихъ — энергія жизни, восторженность, страсти, желанія умерщвлены тѣмъ анализомъ, который, послѣднимъ своимъ заключеніемъ, приходитъ къ развалинамъ; въ обоихъ скорбь питается мыслію, и эта скорбь въ обоихъ одинаковаго свойства: тихая, созная свое начало, невидящая себѣ конца.»

Прим. авт.

менѣе прямой линіи, и нашъ миролюбивый поэтъ. Не касаясь его дальнѣйшей родословной, скажемъ только, что отецъ его былъ долго плацъ-майоромъ въ Москвѣ, а впоследствии бригаднымъ генераломъ въ Ригѣ, потомъ бригаднымъ же генераломъ въ Кременчугѣ и начальникомъ округа внутренней стражи въ Витебскѣ. Онъ скончался въ двадцатыхъ годахъ. Мать нашего поэта была урожденная Красильникова (1).

Въ младенствѣ Дельвигъ былъ непрерывно боленъ и началъ говорить очень поздно, ума былъ не живого и вообще медленно развивался (2). Воображеніе было развито у него несоразмѣрно, насчетъ другихъ умственныхъ способностей. По свидѣтельству Пушкина (3), «будучи еще пяти лѣтъ отъ роду, вздумалъ онъ разсказывать о какомъ-то чудесномъ видѣніи и смутилъ имъ всю свою семью.» Первоначальное образованіе онъ получилъ въ частномъ пансіонѣ въ Москвѣ (4). Въ 1811 году Дельвигъ былъ привезенъ въ Петербургъ для помѣщенія въ Царскосельскій Лицей, который тогда только что учреждался, съ цѣлю образованія юношества, «особенно предназначеннаго къ важнымъ частямъ службы государственной» (5). Дельвигъ подвергался вступительному испытанію 12 августа, въ одинъ день съ Пушкинымъ, который также пріѣхалъ изъ Москвы. Одинаковыя обстоятельства сблизили будущихъ поэтовъ, и дружба ихъ началась едва ли не съ этой встрѣчи. На испытаніи оба поэта, и особенно Дельвигъ, не блеснули своими познаніями, какъ свидѣлствуютъ полученные ими отмѣтки. «Хорошо» Дельвигъ былъ аттестованъ только въ «грамматическомъ познаніи російскаго языка», въ «познаніи общихъ свойствъ тѣлъ» и въ «начальныхъ основаніяхъ исторіи и географіи.» Изъ французскаго языка онъ выдержалъ испытаніе «преслабо», нѣмецкаго «не зналъ» совершенно, а ариметику только «зналъ до тройнаго правила.» Всѣхъ подвергавшихся вступительному испытанію было 38; но въ Лицей поступило только 30, и въ томъ числѣ Дельвигъ (6).

19 октября 1811 года происходило торжественное открытіе Лицея. По утру въ придворной церкви совершена была литургія, въ

(1) Пушкинъ написалъ, что отецъ Дельвига «былъ женатъ на дѣвицѣ Рахмановой» (Сочин. Пушкина, т. XI, стр. 57); но это ошибка: одна изъ сестеръ матери Дельвига была за Рахмановымъ. Свѣдѣніе это сообщено двоюроднымъ братомъ поэта, барономъ А. И. Дельвигомъ.

(2) Сообщено барономъ А. И. Дельвигомъ.

(3) Сочиненія Пушкина, т. XI, стр. 58.

(4) Сообщено двоюроднымъ братомъ поэта. Соч. Пушкина, т. XI, стр. 57.

(5) Постановленіе о Лицѣе, Высочайше утвержденное 19 августа 1810 г., § 1. Постановленіе это напечатано въ «Періодическомъ сочиненіи о успехахъ народнаго просвѣщенія», № XXVIII, 1810 г., стр. 477.

(6) Извлечено изъ бумагъ Конференціи Лицея.

присутствіи Государя Императора, Государынь Императрицъ Маріи Феодоровны и Елисаветы Алексѣевны, Государя Цесаревича Константина Павловича и Государыни Великой Княжны Анны Павловны, въ собраніи первыхъ чиновъ Двора, министровъ, членовъ Государственнаго Совѣта и другихъ знатныхъ особъ. При открытіи также находились директоръ Лицея А. О. Малиновскій съ воспитанниками, профессора, учителя и прочіе чиновники заведения. Послѣ обѣдни духовенство, въ предшествіи придворныхъ пѣвчихъ, отправилось изъ церкви для освященія зданія Лицея, въ сопровожденіи Императорской фамилии и всего собранія. По окончаніи освященія прочтены были нѣкоторые мѣста изъ Высочайше пожалованной Лицею грамоты. Потомъ директоръ Лицея, принявъ эту грамоту, для оставленія навсегда въ Лицеѣ, отъ министра народнаго просвѣщенія, графа А. К. Разумовскаго, непосредственному вѣдѣнію котораго было ввѣрено это заведеніе ⁽¹⁾, произнесъ краткую и приличную случаю рѣчь ⁽²⁾, по окончаніи которой секретарь Конференціи Кошанскій прочелъ списокъ ученымъ и гражданскимъ чиновникамъ, поступившимъ въ Лицей, и списокъ принятымъ по экзамену воспитанниковъ. По прочтеніи списковъ адъюнктъ-профессоръ нравственныхъ наукъ Куницынъ сказалъ воспитанникамъ наставленіе о цѣли и пользѣ ихъ воспитанія ⁽³⁾. Пушкинъ, въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ и неконченныхъ стихотвореній (Лицейская годовщина), вспоминаетъ, по истеченіи двадцати-пяти лѣтъ, объ этой рѣчи Куницына:

«Вы помните: когда возникъ Лицей,
Какъ Царь для насъ открылъ чертогъ царицынъ —
И мы пришли, и встрѣтилъ насъ Куницынъ
Привѣтствіемъ межъ царственныхъ гостей.» ⁽⁴⁾

По окончаніи чтенія Государь Александръ Павловичъ осматривалъ помѣщеніе воспитанниковъ и удостоилъ своего присутствія ихъ обѣденный столъ. Вечеромъ зданіе Лицея было великолѣпно иллюминировано ⁽⁵⁾.

⁽¹⁾ Высочайшій рескриптъ на имя министра народнаго просвѣщенія, 19 августа 1810. («Періодическое сочиненіе о успѣхахъ народнаго просвѣщенія», № XXVIII, 1810 г., стр. 476.)

⁽²⁾ Рѣчь эта напечатана въ «Періодическомъ сочиненіи о успѣхахъ народнаго просвѣщенія», 1812 г., № XXXII, стр. 332.

⁽³⁾ Наставленіе это напечатано тамъ же, стр. 334. Кромѣ того объ рѣчи были напечатаны отдѣльно въ числѣ 300 экземпляровъ, которые розданы были посѣтителамъ въ день открытія Лицея и разсланы были въ академіи, университеты, Педагогическій Институтъ и гимназіи.

⁽⁴⁾ Сочиненія А. Пушкина, т. IX, стр. 236.

⁽⁵⁾ Подробности эти заимствованы изъ бумагъ Конференціи Лицея. Кромѣ того описаніе открытія Лицея напечатано въ «Періодическомъ сочиненіи о успѣхахъ народнаго просвѣщенія», 1812 г., № XXXII, стр. 308, и въ вѣдомостяхъ обихъ столицъ. Въ послѣднихъ находится и описаніе иллюминаціи.

Преподаваніе въ Лицеѣ началось съ 23 октября, въ понедѣльникъ ⁽¹⁾. Свѣдѣнія о степени первыхъ успѣховъ и способностей Дельвига встрѣчаемъ въ сочиненіяхъ Пушкина, рассказъ котораго приводимъ въ точности: «Способности его развивались медленно. Память у него была тупа; понятія лѣнивы. На четырнадцатомъ году онъ не зналъ никакого иностраннаго языка, и не оказывалъ склонности ни къ какой наукѣ. Въ немъ замѣтна была только живость воображенія. Однажды вздумалось ему рассказать нѣсколькимъ изъ своихъ товарищей походъ 1807 года, выдавая себя за очевидца тогдашнихъ происшествій. Его повѣствованіе было такъ живо и правдоподобно, и такъ сильно подѣйствовало на воображеніе молодыхъ слушателей, что нѣсколько дней около него собирався кружокъ любопытныхъ, требовавшихъ новыхъ подробностей о походѣ. Слухъ о томъ дошелъ до нашего директора А. О. Малиновскаго, который захотѣлъ услышать отъ самаго Дельвига рассказъ о его приключеніяхъ. Дельвигъ постыдился признаться во лжи столь же невинной, какъ и замысловатой, и рѣшился ее поддержать, что и сдѣлалъ съ удивительнымъ успѣхомъ, такъ что никто изъ насъ не сомнѣвался въ истинѣ его рассказовъ, покамѣстъ онъ самъ не признался въ своемъ вымыслѣ... Въ дѣтяхъ, одаренныхъ игристой умомъ, склонность ко лжи не мѣшаетъ искренности и прямоты. Дельвигъ, рассказывающій о таинственныхъ своихъ видѣніяхъ и о мнимыхъ опасностяхъ, которымъ будто бы подвергался въ обозѣ отца своего, никогда не лгалъ въ оправданіе какой нибудь вины, для избѣжанія выговора или наказанія.» ⁽²⁾

12 декабря 1811 года, по случаю празднованія дня рожденія Государя, когда воспитанники, отслушавъ обѣдню и благодарственное молебствіе, возвратились въ залъ Лицея, то, «для приученія ихъ къ справедливости и безпристрастному сужденію другъ о другѣ», было позволено имъ самимъ избрать отличѣйшихъ въ ученіи и поведеніи, и когда выборъ ихъ, по соображенію директора, профессоръ и надзирателя нравственной части, былъ одобренъ, то имена отличившихся написаны были золотыми буквами на бѣлой доскѣ и выставлены въ залѣ Лицея. Отличившихся воспитанниковъ было тринадцать (почти половина курса); но въ числѣ ихъ не было ни Дельвига, ни Пушкина. Въ вечеру того же дня въ Лицеѣ былъ дѣтскій балъ, и домъ Лицея былъ иллюминированъ ⁽³⁾.

⁽¹⁾ Изъ бумагъ Конференціи Лицея.

⁽²⁾ Сочиненія А. Пушкина, т. XI, стр. 57.

⁽³⁾ Заимствовано изъ бумагъ Конференціи Лицея. Извѣстіе объ этомъ праздникѣ напечатано было въ «Сѣверной Почтѣ.» Черезъ нѣсколько дней, по приказанію министра народнаго просвѣщенія графа А. К. Разумовскаго, доска, на ко-

Въ началѣ курса ученія важное неудобство для преподаванія представляло неравенство знаній воспитанниковъ. Главнымъ занятіемъ въ первое полугодіе были иностранные языки; преподаваніе же наукъ: закона Божія, логики, нравственности, исторіи, географіи и математики, ограничивалось только главными началами. Во второмъ полугодіи чтеніе образцовъ изъ лучшихъ писателей не ограничивалось только грамматическими объясненіями, «но сопровождается было нѣкоторыми логическими и легкими эстетическими замѣчаніями, дабы вкусъ воспитанниковъ еще вѣрнѣе руководствуемъ былъ къ простому, естественному и изящному слову. *Все пышное, высокопарное, школьное совершенно удаляемо было отъ ихъ понятія и слуха.* Науки нравственныя, математическія и историческія, утверждаясь уже на первыхъ началахъ, расширяли постепенно кругъ свой. Каждое понятіе, каждая новая мысль представляема была воспитанникамъ въ такомъ видѣ, что возбуждала ихъ любопытство и размышленіе и казалась для нихъ новымъ, приятнымъ приобритеніемъ. Постепенность математическихъ наукъ, предполагая необходимостію твердое знаніе предъидущаго, сопровождается была самымъ простымъ, яснымъ показаніемъ и всегда руководствовала разумъ воспитанниковъ такъ, чтобы онъ самъ научался постигать истину и познавать силу доказательствъ.» (1)

Въ декабрѣ 1812 года произведено было частное, неприготовленное и необъявленное воспитанникамъ испытаніе, доказавшее, что успѣхи воспитанниковъ во всѣхъ предметахъ «вообще очень хороши и подають весьма выгодное мнѣніе о ихъ способностяхъ и прилежаніи.» По мнѣнію Конференціи, одни особенно отличились *родными* способностями и успѣхами, другіе замѣчены по слабости и недостатку способностей (2). Дельвига и Пушкина не было ни въ томъ, ни въ другомъ числѣ.

О позднѣйшихъ успѣхахъ Дельвига въ наукахъ остались только двѣ слѣдующія отмѣтки. По отзыву адъюнктъ-профессора историческихъ наукъ И. Кайданова, преподававшего географію и всеобщую и русскую исторію, Дельвигъ былъ «дарованій и успѣховъ хорошихъ, поведенія довольно хорошаго.» Изъ числа двадцати-деяти воспитанниковъ Дельвигъ по успѣхамъ въ этихъ предметахъ былъ двадцать-третьимъ (3). Въ вѣдомости профессора нравственныхъ торой выставлены были имена отличившихся воспитанниковъ, была уничтожена, чтобы это поощреніе не приучило воспитанниковъ къ наградамъ, и предположено отложить эту награду до третьяго года ученія.

(1) Отчетъ Конференціи Лицея съ 19 октября 1811 года до 31 декабря 1812.

(2) Изъ бумагъ Конференціи Лицея.

(3) Изъ вѣдомости о дарованіяхъ, прилежаніи и успѣхахъ воспитанниковъ Лицея по части географіи, всеобщей и русской исторіи, съ 1 ноября 1812 по

наукъ Кунницына, преподававшего логику и нравственную философію, о нашемъ поэтѣ сказано слѣдующее: «Непонятенъ и лѣнивъ, отвѣчаетъ на вопросы безъ размышленія и безъ всякой связи. Замѣтно даже, что вовсе не имѣетъ охоты къ ученію. Поведеніе его также достойно охудженія; ибо онъ грубъ въ обращеніи, дерзокъ на словахъ, непослушенъ и упрямъ до такой степени, что презираетъ всѣ наставленія, и даже смѣется когда дѣлаешь ему выговоры.» По числу Дельвигъ показанъ въ этой вѣдомости двадцать-восьмымъ, то есть предпоследнимъ (1). По отзывамъ лицейскихъ товарищей Дельвига, отмѣтка эта не совсемъ безосновательна. Другихъ указаній объ учебныхъ успѣхахъ Дельвига не нашлось (2), но, по словамъ его товарищей, они никогда не были значительны: Дельвигъ вообще былъ очень лѣнивъ, учился плохо и на первую лекцію никогда не являлся, потому что всегда просыпалъ ее. Заставить его встать въ одно время съ другими не было никакой возможности, и когда истощались всѣ мѣры и терпѣныя наблюдавшихъ за этимъ, онъ былъ, по необходимости, оставляемъ въ покоѣ. Лѣность Дельвига не ограничивалась классными занятіями: въ такой же степени онъ былъ лѣнивъ и въ забавахъ и не принималъ никакого участія въ играхъ товарищей. Обыкновенно онъ проводилъ свободное время въ своей комнатѣ (тогда у воспитанниковъ были отдѣльныя комнаты) или гулялъ съ Пушкинымъ, толкуя съ нимъ о литературѣ.

Страсть къ чтенію и литературнымъ занятіямъ рано пробудилась въ будущемъ поэтѣ. Вотъ что пишетъ объ этомъ Пушкинъ: «Любовь къ поэзіи пробудилась въ немъ рано. Онъ зналъ почти наизусть собраніе русскихъ стихотвореній, изданное Жуковскимъ (3).

1 января 1814 года. Въ вѣдомости этой о Пушкинѣ сказано слѣдующее: «При маломъ прилежаніи оказываетъ очень хорошіе успѣхи, и сіе должно приписать однимъ только прекраснымъ его дарованіямъ. Въ поведеніи рѣзвъ, но менѣе противу прежняго.» По степени успѣховъ Пушкинъ показанъ въ этой вѣдомости семнадцатымъ.

Прим. авт.

(1) Изъ вѣдомости объ успѣхахъ воспитанниковъ Лицея по части логики и нравственной философіи съ показаніемъ ихъ способностей, прилежанія и поведенія, съ 19 ноября 1812-года по 1 февраля 1814. Въ вѣдомости этой Пушкинъ аттестованъ слѣдующимъ образомъ: «Весьма понятенъ, замысловать и остроуменъ, но крайне не прилеженъ. Онъ способенъ только къ такимъ предметамъ, которые требуютъ малаго напряженія; а потому успѣхи его очень не велики, особливо по части логики.» По успѣхамъ онъ показанъ въ этой вѣдомости двадцатымъ.

Прим. авт.

(2) Изъ отчета Конференціи Лицея за 1813 годъ видно, что 9, 10, 16 и 17 июля происходило полугодичное испытаніе воспитанниковъ въ присутствіи министра народнаго просвѣщенія, членовъ Академіи Наукъ и профессоровъ Педагогическаго Института; но о результатѣ испытаній въ отчетѣ ничего не сказано и вообще не сохранилось никакихъ извѣстій.

Прим. авт.

(3) Собраніе это издано въ 1810—1815 г., въ шести частяхъ, подъ заглавіемъ: «Собраніе русскихъ стихотвореній, взятыхъ изъ сочиненій лучшихъ стихотвореній российскихъ и изъ многихъ русскихъ журналовъ.» Въ «Росписи российскихъ книгъ» г. Смирдина оно значится подъ № 6575.

Съ Державинимъ онъ не разставался. Клопштока, Шиллера и Гельти прочелъ онъ съ однимъ изъ своихъ товарищей, живымъ лексикономъ и вдохновеннымъ комментариемъ (1). Горація изучилъ въ классѣ, подъ руководствомъ профессора Кошанскаго (2). Дельвигъ никогда не вмѣшивался въ игры, требовавшія проворства и силы; онъ предпочиталъ прогулки по аллеямъ Царскаго села и разговоры съ товарищами, коихъ умственные склонности сходствовали съ его собственными. Первыми его опытами въ стихотворствѣ были подражанія Горацію. Оды: къ Діону, къ Лиметъ, Доридъ, писаны имъ на пятнадцатомъ году, и напечатаны въ собраніи его сочиненій безъ всякой перемѣны (3). Въ нихъ уже замѣтно необыкновенное чувство гармоніи и той классической стройности, которой никогда онъ не измѣнялъ. Какимъ образомъ никто не обратилъ тогда вниманія на ранніе отпрыски столь прекраснаго таланта? Никто не привѣтствовалъ вдохновеннаго юношу, между тѣмъ какъ стихи одного изъ его товарищей, стихи посредственные, замѣтные только по нѣкоторой легкости и чистотѣ мелочной отдѣлки, въ то же время были расхвалены и прославлены какъ нѣкоторое чудо (4).

Вообще литературныя наклонности рано обнаружили въ кружкѣ лицейскихъ товарищей Дельвига. Такое направленіе частію было слѣдствіемъ воспитанія, преимущественно литературнаго, частію же было внушено Пушкинымъ, который съ тринадцати-лѣтняго возраста постоянно былъ литературнымъ центромъ окружавшаго его общества. Хотя Пушкинъ былъ моложе многихъ изъ своихъ товарищей, но ни въ одномъ изъ нихъ не выразилось такъ рано опредѣленное направленіе. Онъ началъ писать стихи едва ли не съ перваго года своего пребыванія въ Лицеѣ, и съ первыхъ же опытовъ судьба его рѣшилась: онъ былъ поэтомъ. Въ одномъ изъ

(1) Съ В. К. К.—ромъ, издававшимъ впоследствии, вмѣстѣ съ княземъ В. О. Одоевскимъ, «Мнемозину».

(2) Кошанскій былъ профессоромъ русской и римской словесности и занимался преподаваніемъ ихъ въ теченіе пяти лѣтъ. Только въ послѣдній годъ пребыванія въ Лицеѣ Пушкина и Дельвига его замѣнилъ скончавшійся въ минувшемъ году профессоръ П. Г. Георгіевскій. Замѣтимъ кстати, что П. А. Плетневъ, познакомившись съ Дельвигомъ скоро послѣ его выпуска изъ Лицея, сочинилъ къ нему посланіе, которое начиналось вопросомъ:

«Дельвигъ, гдѣ ты учился языку боговъ?»

Дельвигъ обыкновенно отвѣчалъ на это:

— У Кошанскаго.

Прим. авт.

(3) Это не вѣрно. Всѣ три оды, особенно послѣдняя, напечатаны въ собраніи стихотвореній Дельвига съ большими перемѣнами, о которыхъ будетъ сказано ниже, при разборѣ этихъ стихотвореній.

Прим. авт.

(4) Вѣроятно, Пушкинъ, по скромности, свойственной всѣмъ гениальнымъ людямъ, говоритъ это о своихъ первыхъ опытахъ.

своимъ лучшимъ лицейскимъ стихотвореніемъ («Къ Жуковскому») онъ говоритъ о себѣ:

«въ тиши Парнасской сѣни
Я съ трепетомъ склонилъ предъ Музами колѣни,
Опасною тропой съ надеждой полетѣлъ,
Мнѣ жребій вынулъ Фебъ—и лира мой удѣлъ.» (*)

Вниманіе, которое обратилъ на себя Пушкинъ еще на школьной скамьѣ, не могло не быть заманчиво для его сверстниковъ, и многие изъ нихъ, а въ томъ числѣ и Дельвигъ, увлеклись примѣромъ своего гениальнаго товарища. Но апатическая, лѣнливая натура Дельвига такъ мало согласовалась съ его умственнымъ развитіемъ, что первые стихотворные опыты Дельвига возбудили въ его товарищахъ какое-то недовѣрчивое, насмѣшливое удивленіе. Это видно изъ слѣдующихъ словъ Пушкина: «Въ Лицеѣ одинъ изъ младшихъ нашихъ товарищей, и, не тѣмъ будь поминуть, добрый мальчишкѣ, но довольно простой и во всѣхъ классахъ послѣдній, сочинилъ однажды два стиха, извѣстные всему Лицею:

«Ха, ха, ха, хи, хи, хи,
Д — пишеть стихи.»

Далѣе Пушкинъ продолжаетъ:

«Каково же было намъ, Д. и мнѣ, въ прошломъ 1830 году, въ первой книжкѣ важнаго «Вѣстника Европы», найти слѣдующую шутку: Альманахъ «Сѣверные Цвѣты» раздѣляется на прозу и стихи—хи, хи! Вообразите себѣ, какъ обрадовались мы старой нашей знакомкѣ! Сего не довольно. Это *хи-хи* показалось, видно, столь затѣйливымъ, что его перепечатали съ большой похвалою въ «Сѣверной Пчелѣ»: «*Хи-хи*, какъ весьма остроумно сказано было въ «Вѣстникѣ Европѣ», etc.» (**)

Едва ли не съ перваго года лицейскаго курса между воспитанниками образовалось литературное общество, имѣвшее цѣлью какъ соревнованіе, поощреніе и изданіе (въ своемъ кругу) сочиненій воспитанниковъ, такъ и оцѣнку этихъ сочиненій. Это общество было первою литературною школою и первымъ поприщемъ Пушкина и Дельвига. Главнѣйшее участіе въ обществѣ принимали: Пушкинъ, Дельвигъ, Илличевскій (покойный авторъ эпиграммъ и многихъ мелкихъ стихотвореній), Корсаковъ, князь А. М. Горчаковъ,

(*) Сочиненія А. Пушкина, т. IX, стр. 329.

(**) Сочиненія А. Пушкина, т. XI, «Отрывки изъ записокъ А. С. Пушкина», стр. 232. Въ «Вѣстникѣ Европы» 1830 г., № 2, стр. 162, при разборѣ «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» на 1830 годъ, сказано: «Расположеніе сихъ мерзлыхъ цвѣтовъ въ одну альманахную связку сдѣлано однако по прежнему. Они дѣлятся на прозу и стихи... хи! хи!...» Подъ этою статью подписано NN. Прим. авт.

баронъ М. А. Корфъ, С. Г. Ломоносовъ, Д. Н. Масловъ, Ржевскій, М. Л. Яковлевъ и нѣкоторые другіе. Несмотря на то, что общество это состояло изъ двѣнадцати, тринадцати и четырнадцати-лѣтнихъ мальчиковъ, оно не ослабѣвало въ своихъ занятіяхъ и шло къ достиженію цѣли со всею энергіею первыхъ юношескихъ силъ. Дозакательствомъ дѣятельности общества могутъ служить изданные имъ журналы. Въ первомъ курсѣ Лицея издавалось четыре журнала: «Лицейскій мудрецъ», «Для удовольствія и пользы» (*), «Неопытное перо» и «Пловецъ». Первый изъ этихъ журналовъ пропалъ во Флоренціи, вмѣстѣ съ бумагами одного изъ лицейскихъ товарищей Дельвига, Николая Корсакова, умершаго тамъ, отъ чахотки, въ 1820 году (**), и попытки отыскать этотъ журналъ, сдѣланныя во Флоренціи, по порученію пишущаго эти строки, остались безъ успѣха.

(*) Не слѣдуетъ смѣшивать съ этимъ журналомъ «Журналъ для пользы и удовольствія», изд. Алексѣемъ Варенцовымъ въ 1805 году, и сборникъ, изданный въ 1810 году, подъ заглавіемъ: «Въ удовольствіе и пользу». Вѣроятно, съ одного изъ этихъ изданій и было перенято названіе лицейскаго журнала. *Прим. авт.*

(**) Корсаковъ, принимавшій дѣятельное участіе въ лицейскомъ литературномъ обществѣ, былъ, подобно многимъ своимъ товарищамъ, увлеченъ примѣромъ Пушкина и писалъ, недурно для своего возраста, стихи. Онъ умеръ на третьемъ году послѣ выпуска изъ Лицея, не успѣвъ оправдать возбужденныхъ имъ ожиданій. За часъ до смерти онъ сочинилъ слѣдующую надпись для своего памятника, и когда ему сказали, что во Флоренціи не сумѣютъ вырѣзать русскія буквы, онъ самъ начертилъ ее, крупными буквами, и велѣлъ скопировать ее на камень. Вотъ эта надпись:

«Прохожій, поспѣши къ странѣ родной своей!
Ахъ! грустно умирать далеко отъ друзей!»

Этими подробностями авторъ обязанъ благосклонности бывшаго директора Лицея Е. А. Энгельгардта, у котораго находится и видъ могилы Корсакова, срисованный на мѣстѣ однимъ изъ его товарищей, княземъ А. М. Горчаковымъ.

Въ одномъ изъ стихотвореній Пушкина («19 Октября 1825», томъ III, стр. 16) встрѣчаемъ трогательное обращеніе къ Корсакову; хотя онъ и не названъ, но, безъ сомнѣнія, слѣдующія строки относятся къ нему:

«Еще кого не досчитались вы?
Кто измѣнилъ плѣнительной привычкѣ?
Кого отъ васъ увлекъ холодный свѣтъ?
Чей глазъ умоля на братской переключкѣ?
Кто не пришелъ? Кого межъ вами нѣтъ?
Онъ не пришелъ, кудрявый нашъ пѣвецъ,
Съ огнемъ въ очахъ, съ гитарой сладкогласной:
Подъ миртами Италіи прекрасной
Онъ тихо спитъ, и дружескій рѣзецъ
Не начерталъ надъ русскою могилой
Словъ нѣсколько на языкѣ родномъ,
Чтобъ нѣкогда нашель привѣтъ унылой
Сынъ сѣвера, бродя въ краю чужомъ.»

Прим. авт.

Остальные три журнала были отданы, въ 1825 году, брату одного изъ товарищей Дельвига и хотя, можетъ быть, еще существуютъ, но, по стеченію обстоятельствъ, это существованіе равносильно пропажѣ. Автору предлагаемой статьи удалось напасть на слѣдъ этихъ журналовъ, но получить ихъ, несмотря на многочисленныя попытки, не оказалось никакой возможности (1). Весьма вѣроятно, что въ этихъ журналахъ, которые переписывались, разрисовывались и переплетались самими издателями, нашлось бы нѣсколько ненапечатанныхъ стихотвореній Пушкина и Дельвига. Конечно, отъ этихъ дѣтскихъ стихотвореній нельзя ожидать какихъ нибудь литературныхъ достоинствъ, но они были бы интересны, какъ первые опыты поэтовъ и какъ данныя, по которымъ можно было бы прослѣдить развитіе таланта съ самого зародыша.

Такъ какъ почти исключительно литературныя занятія нѣкоторыхъ воспитанниковъ отвлекали ихъ отъ занятій другими обязательными предметами, то изданіе журналовъ было прекращено въ 1813 г. (2) Можетъ быть, это обстоятельство, лишившее нашихъ поэтовъ небольшого, домашняго кружка ихъ читателей, было причиною, какъ увидимъ ниже, появленія ихъ стихотвореній въ печати съ 1814 года, когда Пушкину было только четырнадцать лѣтъ, а Дельвигу пятнадцать.

Въ началѣ 1814 года, директоръ Лицея В. О. Малиновскій скончался. Исправленіе должности его было поручено профессору русской и римской словесности Кошанскому, котораго, по случаю его болѣзни, скоро замѣнилъ профессоръ нѣмецкой словесности въ Лицеѣ и директоръ Царскосельскаго Благороднаго Пансіона Гауэншильдъ (3), исправлявшій должность директора Лицея около полутора года (съ 28 сентября 1814 года по 11 января 1816). Послѣ него былъ назначенъ директоромъ Лицея Е. А. Энгельгардтъ.

Это назначеніе, повлекшее за собою нѣкоторыя измѣненія въ порядкѣ Лицея, было полезно обоимъ поэтамъ, которые приобрѣли въ Е. А. Энгельгардтѣ умнаго руководителя въ ихъ литературныхъ занятіяхъ. Дельвигъ, еще плохо знавшій нѣмецкій языкъ, ходилъ къ нему довольно часто и подъ его руководствомъ продолжалъ знакомиться съ германской литературой: такимъ образомъ постепенно и систематически совершалось литературное

(1) Названіе журналовъ сообщено лицейскимъ товарищемъ Дельвига, М. Л. Яковлевымъ, принимавшимъ дѣятельное участіе въ лицейскомъ литературномъ обществѣ и сочинявшимъ басни. Къ нему-то относится извѣстное обращеніе Пушкина въ стихотвореніи «Пирующіе друзья». (Соч. Пушкина, т. IX, стр. 339.)

(2) Сообщено М. Л. Яковлевымъ.

(3) Изъ бумагъ Конференціи Лицея.

образование Дельвига ⁽¹⁾. По внушению Дельвига, и Пушкинъ сталъ заниматься нѣмецкимъ языкомъ и, сдѣлавъ, подъ руководствомъ Дельвига, нѣкоторые успѣхи, ходилъ вмѣстѣ съ нимъ къ Е. А. Энгельгардту, для чтенія у него германскихъ авторовъ ⁽²⁾. Особенное вліяніе на успѣхи обоихъ поэтовъ въ нѣмецкомъ языкѣ имѣло подтвержденіе графа А. К. Разумовскаго, чтобы воспитанники, въ свободное отъ ученія время, разговаривали между собою по французски и по нѣмецки, что до того времени относительно нѣмецкаго языка не наблюдалось ⁽³⁾. Но Пушкину не полюбилась германская литература. Во всемъ, что имъ написано, не видно никакихъ слѣдовъ ея вліянія; вообще, онъ былъ къ ней совершенно равнодушенъ, а Клопштока совершенно не понималъ, какъ самъ признается въ одномъ изъ лицейскихъ стихотвореній:

«Разбиралъ я нѣмца Клопштока,
И не могъ понять премудраго;
Не хотѣлъ я воспѣвать, какъ онъ —
Я хочу, меня чтобъ поняли
Всѣ отъ мала до великаго.» ⁽⁴⁾

Совершенно другое впечатлѣніе производили эти чтенія на Дельвига. Вліяніе на его музу германской литературы, которой онъ всегда очень сочувствовалъ, замѣтно съ его лицейскихъ стихотвореній, и во все время его литературной дѣятельности вліяніе это не ослабѣвало. Но Клопштока, и особенно его «Мессіады», Дельвигъ также не жаловалъ, какъ и вообще мистической поэзіи. ⁽⁵⁾

Дельвигъ раньше всѣхъ своихъ товарищей явился въ печати. Въ это время, въ 1814 году, самымъ замѣчательнымъ во всѣхъ отношеніяхъ періодическимъ изданіемъ былъ «Вѣстникъ Европы», въ которомъ принимали участіе всѣ корифеи тогдашней литературы. Въ этомъ году въ «Вѣстникъ Европы» напечатаны были между прочимъ: «Освобожденіе Европы», патріотическое стихотвореніе Карамзина; «Моимъ дѣтямъ», неконченная статья Подшивалова; «О жизни и сочиненіяхъ Подшивалова», «Религія и философія» и «Естественная наука въ ея нравственномъ отношеніи» — всѣ три статьи Вл. Измайлова. Кромѣ того помѣщались стихотворенія Жуковскаго и князя Вяземскаго. Журналъ этотъ былъ основанъ въ Москвѣ въ 1802 году, Карамзинымъ, который издавалъ его въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ; въ 1804 году его

издавалъ Панкратій Сумароковъ; въ 1805, 1806 и 1807 — Михайло Каченовскій, въ 1808 — Жуковскій; въ 1809 и 1810 — Жуковскій съ Каченовскимъ; въ 1811, 1812 и 1813 — одинъ Каченовскій, а въ 1814 году изданіе это перешло къ Владиміру Измайлову, послѣ котораго съ 1815 года до прекращенія журнала въ 1830 году постояннымъ его издателемъ былъ Каченовскій. Изъ періодическихъ изданій для изящной словесности въ 1814 году, кромѣ «Вѣстника Европы», существовали только: «Русскій Вѣстникъ», издававшийся въ Москвѣ же, съ 1808 года Сергѣемъ Глинкою; а въ Петербургѣ: «Сынъ Отечества», издававшийся Н. И. Гречемъ съ октября 1812 года, и «Русскій Инвалидъ», издававшийся съ 1813 года П. Пезаровіусомъ. Изъ этихъ четырехъ журналовъ Дельвигъ предпочелъ явиться въ «Вѣстникъ Европы», какъ въ журналѣ болѣе другихъ распространенномъ, и, можетъ быть, еще потому, что, имѣя въ Москвѣ родственниковъ и знакомыхъ, Дельвигъ надѣялся чрезъ нихъ содѣйствіе легче достигнуть чести явиться въ печати.

Не можемъ опредѣлительно указать перваго стихотворнаго опыта Дельвига; но первымъ изъ его напечатанныхъ стихотвореній была ода «На взятіе Парижа.» Она была напечатана въ іюньской книжкѣ «Вѣстника Европы» 1814 г. (часть LXXV, № 12, стр. 272), съ подписью: *Русской*, и съ отмѣткою: (*Изъ С. Петербурга*). Вотъ это стихотвореніе, слабое, но любопытное по отношенію къ предмету нашей статьи, какъ первый шагъ поэта на избранномъ имъ поприщѣ:

«Въ громкую цитру кинь персты, богиня!
Грянь, да услышать тебя всѣ народы,
Скажутъ: не то ли перуны Зевеса,
Кои ми въ гнѣвѣ сражаетъ пороки?
Пиндара Муза тобой побѣждена;
Ты же не игры поешь Олимпійски,
И не царя съ быстротою летяща
Къ цѣли на добромъ конѣ Сиракузскомъ.
Но Александра, Царя миролюбна,
Кѣмъ семиглавая гидра сражена!

О вдохновенный пѣвецъ,
Пиндаръ Россійскій, Державинъ!
Дай мнѣ парящій восторгъ!
Дай, и во вѣки прославлюсь,
И моя громкая лира
Знаема будетъ вездѣ!

Какъ въ баснословные вѣки
Противъ Зевеса гиганты,

⁽¹⁾ Сообщено Е. А. Энгельгардтомъ.

⁽²⁾ Сообщено имъ же.

⁽³⁾ Изъ бумагъ Конференціи Лицея.

⁽⁴⁾ Сочиненія А. Пушкина, т. IX, «Бова», отрывокъ изъ поэмы, стр. 249.

⁽⁵⁾ Сочиненія А. Пушкина, т. XI, Анекдоты, стр. 173.

Горы кремнисты на горы
Ставя, стремились войною. —
Но Зевсъ вдругъ кинулъ перуны,
Горы въ песокъ превратились,
Рухнули съ трескомъ на землю,
И — подавили гигантовъ.

Галлы подобно на Россювъ лѣгли:
Ихъ были горы — народы подвластны!
Къ сердцу Россіи, — къ Москвѣ доносили
Огнь, пожирающій грады и вѣси...
Царь миролюбный подобенъ Зевесу
Долготерпящу, людей зря пороки. —
Онъ ужъ готовилъ погибель Сизифу,
И возжигались блестящи перуны,
Врагъ ужъ въ Москвѣ — и взгремѣли Перуны,
Горы его подъ собою сокрыли.

Гдѣ же надменный Сизифъ?
Иль покоряетъ Россіянь?
Въ тяжкихъ ли Россы цѣпяхъ
Слезную жизнь провождаютъ?
Нѣтъ — громъ оружія Россювъ
Внемлетъ пространнѣй Парижъ!

И побѣдитель Парижа,
Нѣжный отецъ Россіянамъ,
Пепель Москвы забывая,
Съ кротостью Галламъ прощаетъ, —
И, какъ дѣтей ихъ пріемлетъ.
Слава герою, который
Всѣ побѣждаетъ народы
Нѣжной любовью — не силой!

Вѣдай, богиня! Поэтъ безпристрастнѣй
Долженъ пороки показывать міра.
Страха не зная, царю онъ вѣщаетъ
Правду — не низкія лести вельможи!
Я не пою Олимпійскихъ героевъ;
Славить не злато меня побуждаетъ:
Нѣтъ — только подвиги зря Александра,
Цитру златую ему посвящаю!
Вѣкъ на ней буду славить героя,
И вознесу его имя до неба!

Кроткій Россійскій Зевесъ!
Мрачнаго сердцемъ Сизифа

Ты низложилъ, и теперь
Лавромъ побѣдъ увѣнчанный
Съ поля кровавья битвы
Къ вѣрнымъ сынамъ возвратился.

Шлемъ свой пернатый съ забраломъ,
Острый булатъ и тяжелы
Латы сними — и явися
Въ свѣтлой коронѣ, въ порфирѣ
Ты посреди сыновъ вѣрныхъ!
Въ мірѣ опять, въ благоденствѣ
Царствуй надъ нами, — и слава
Будетъ во вѣки съ Тобою!»

Избранный поэтомъ псевдонимъ вполне соотвѣтствовалъ его патристическимъ чувствамъ. Примѣръ Дельвига подѣйствовалъ на его товарищю. Въ слѣдующей книжкѣ «Вѣстника Европы» (часть LXXVI, июль 1814 г., № 13, стр. 9) явилось первое стихотвореніе Пушкина «Къ Другу-Стихотворцу», съ таинственною подписью *Александръ Н. к. ш. п.* Подъ этою скромною подписью (фамилія наоборотъ съ пропускомъ гласныхъ), конечно, никто не подозрѣвалъ поэта, которому черезъ шесть лѣтъ предстояла уже блестящая извѣстность. Стихотвореніе это, какъ и десятки другихъ, пропущено въ изданіи сочиненій Пушкина. Какъ первое стихотвореніе, явившееся въ печати, когда автору было едва четырнадцать лѣтъ, стихотвореніе это весьма замѣчательно даже по своимъ относительнымъ достоинствамъ. Желаютъ прочесть это посланіе могутъ весьма легко найти его, по слѣланному выше указанію. Въ томъ же мѣсяцѣ (№ 14, стр. 102) явилось другое стихотвореніе Пушкина: «Кольна» (подражаніе Оссіану), съ тою же подписью, и также пропущенное въ изданіи сочиненій Пушкина. Псевдонимы, и псевдонимы самые замысловатые, были тогда въ большой модѣ. У Пушкина ихъ было нѣсколько. Въ 1814 году онъ печаталъ свои стихотворенія или съ вышеприведенною подписью, или съ подписью: 1...14—16 (т. е. А... н—П.), Иличевскій съ подписью: — *йшій*, или: *йй ии йй*. — Яковлевъ съ подписью *Ц. С.* (вѣроятно, Царское Село); Дельвигъ же, явившійся для перваго дебюта съ подписью *Русской*, обыкновенно подписывался — *Д—*. Изъ стихотвореній Дельвига въ теченіе 1814 года напечатаны были въ «Вѣстникѣ Европы» слѣдующія: 1) «На взятіе Парижа» (ч. LXXV, июнь, № 12, стр. 272), пропущенное въ смірдинскомъ изданіи; 2) «Къ поэту-математику» (ч. LXXVIII, ноябрь, № 21, стр. 24), также пропущенное въ изданіи г. Смירдина; 3) «Къ Діону» (ч. LXXVI, августъ,

№ 15, стр. 189), напечатанное в смирдинском издании, на стр. 112, с перемѣнами; 4) «Къ Лилетъ» (ч. LXXVIII, ноябрь, № 22, стр. 97), напечатанное в смирдинском издании, на стр. 41, с перемѣнами; 5) «Старикъ» (ч. LXXVIII, ноябрь, № 22, стр. 98), пропущенное у г. Смидина; 6) «Дафна» (ч. LXXVIII, ноябрь, № 22, стр. 99), напечатанное в смирдинском издании, на стр. 108, под заглавиемъ: «Первая встрѣча», с значительными перемѣнами, и 7) эпиграмма («Поэтъ надутый Клитъ», ч. LXXVIII, ноябрь, № 22, стр. 101), пропущенная в смирдинском издании (*).

Въ 1815 году, 4 и 8 января, происходило в Лицеѣ первое публичное испытаніе (**). Письменныхъ результатовъ испытанія не сохранилось; но гораздо важнѣе ихъ рассказъ объ этомъ экзаменѣ Пушкина, который приводимъ слово въ слово:

«Державина видѣлъ я только однажды в жизни, но никогда того не забуду. Это было в 1815 году, на публичномъ экзаменѣ в Лицеѣ. Какъ узнали мы, что Державинъ будетъ къ намъ, всѣ мы взволновались. Дельвигъ вышелъ на лѣстницу, чтобъ дожидаться его, и поцѣловать руку, руку написавшую Водональ. Державинъ пріѣхалъ. Онъ вошелъ в сѣни, и Дельвигъ услышалъ какъ онъ спросилъ у швейцара: гдѣ, братецъ, здѣсь вытти? Этотъ прозаическій вопросъ разочаровалъ Дельвига, который отмѣнилъ свое намѣреніе, и возвратился в залу. Дельвигъ это рассказывалъ мнѣ съ удивительнымъ простоду-

(*) Нелишнимъ считаемъ указать и другія лицейскія стихотворенія, напечатанныя в «Вѣстникѣ Европы» 1814 года: стихотворенія Пушкина: 1) «Къ другу-стихотворцу», 2) «Кольна», 3) «Венерѣ отъ Ламсы при посвященіи ей зеркала», 4) «Опытность», и 5) «Блаженство». Стихотворенія Иличевского: 1) «Эпиграмма», 2) «Цефизъ» (идиллія изъ Клейста), 3) «Принъ» (идиллія изъ Клейста) и 4) шесть эпиграммъ. М. Л. Яковлева: «Посуда» (басня).

Всѣ эти стихотворенія собраны в рукописной тетради напечатанныхъ лицейскихъ стихотвореній, принадлежащихъ одному изъ товарищей Пушкина и Дельвига, барону М. А. Корфу, благосклонности котораго авторъ обязанъ этими важными библиографическими указаніями. В биографіи Пушкина (въ *Портретной и библиографической галерей словесности, наукъ, художествъ и искусствъ въ Россіи*, 1841 г., стр. 2) объ этихъ и о другихъ лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина, напечатанныхъ безъ имени, сказано слѣдующее: «Въ какомъ-то изъ тогдашнихъ журналовъ печатались, безъ подписи, сочиненія Пушкина, писанныя имъ на двѣнадцатомъ, тринадцатомъ и четырнадцатомъ годахъ жизни: вносѣдствіи онъ ни гдѣ не упомянулъ объ нихъ, не внесъ ихъ в собраніе своихъ стихотвореній, и они едва ли не исчезли совершенно, даже для насъ, его современниковъ.» Всѣ эти исчезнувшія стихотворенія мы сейчасъ указали и укажемъ еще дальше. Полагаемъ, что при новомъ, готовящемся уже къ выпуску, изданіи сочиненій Пушкина издатели также воспользуются этими свѣдѣніями.

Прим. авт.

(**) Краткое извѣстіе объ этомъ испытаніи напечатано в «Сынѣ Отечества» 1815 г., № I, стр. 87.

шіемъ и веселостію. Державинъ былъ очень старъ (¹). Онъ былъ в мундирѣ и въ писовыхъ сапогахъ. Экзаменъ нашъ очень его утомилъ: онъ сидѣлъ поджавши голову рукою; лице его было безсмысленно, глаза мутны, губы отвислы. Портретъ его (гдѣ представленъ онъ в колпакѣ и халатѣ) очень похожъ. Онъ дремалъ до тѣхъ поръ, пока не начался экзаменъ в Русской Словесности. Тутъ онъ оживился: глаза заблестали, онъ преобразился весь. Разумѣется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Онъ слушалъ съ живостію необыкновенной. Наконецъ вызвали меня. Я прочелъ мои *Воспоминанія въ Ц. С.*, стоя в двухъ шагахъ отъ Державина (²). Я не въ силахъ описать состоянія души моей: когда дошелъ я до стиха, гдѣ упоминаю имя Державина (³), голосъ мой отроческій зазвенѣлъ, а сердце забилось съ упоительнымъ восторгомъ... Не помню, какъ я кончилъ свое чтеніе, не помню куда убѣжалъ. Державинъ былъ в восхищеніи: онъ меня требовалъ, хотѣлъ меня обнять... Меня искали, но не нашли...» (⁴)

1815 годъ былъ годомъ усиленной литературной дѣятельности обоихъ юношей — поэтовъ. В этомъ году временной редакторъ «Вѣстника Европы» Владиміръ Васильичъ Измайловъ (⁵), уже познакомившійся съ первыми опытами лицейскихъ поэтовъ, основалъ в Москвѣ новое изданіе: «Россійскій Музеумъ или Журналъ Европейскихъ Новостей», и пригласилъ своихъ прошлогоднихъ сотрудниковъ участвовать в его новомъ журналѣ. Стихотворенія

(¹) Державину былъ тогда семьдесятъ-второй годъ. Черезъ полтора года онъ скончался.

Прим. авт.

(²) «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ» были напечатаны в «Россійскомъ Музеумѣ или Журналѣ Европейскихъ Новостей», изд. Владиміромъ Измайловымъ в 1815 году (часть II, стр. 1). Подъ этимъ стихотвореніемъ в первый разъ явилась подпись *Александръ Пушкинъ*. Любопытно слѣдующее примѣчаніе къ этому стихотворенію: «За доставленіе сего подарка благодаримъ искренно родственниковъ молодаго поэта, котораго талантъ такъ много общаетъ.» Стихотвореніе это переиздано в IX т. сочиненій Пушкина, на стр. 437.

Прим. авт.

(³) «Державинъ и Петровъ героямъ пѣснь бряцали
Струнами громозвучныхъ лиръ.»

(Соч. Пушкина, т. IX, стр. 440.)

(⁴) Замѣчательно, что позднѣйшее мнѣніе Пушкина о Державинѣ совершенно не соотвѣтствуетъ тому восторгу, который возбуждалъ Державинъ в Пушкинѣ-юношѣ, и который еще замѣненъ в приведенномъ нами рассказѣ. Неизвѣстно, когда именно былъ написанъ этотъ отрывокъ, но, безъ сомнѣнія, до 1825 года, потому что въ этомъ году Пушкинъ, въ неизданномъ письмѣ къ Дельвигу отъ 5 июня, изъ Опочки, выразилъ, съ свойственною ему самостоятельностью взгляда, свое рѣшительное и весьма далекое отъ восторга мнѣніе о Державинѣ, какъ о поэтѣ.

Прим. авт.

(⁵) О жизни и трудахъ этого Измайлова читатели могутъ найти довольно обстоятельную статью в «Литературной Газетѣ» 1830 года (томъ II, № 66, стр. 242). Подъ статью подписано *Н. И. П.*, т. е. Н. Иванчичъ Писаревъ.

Прим. авт.

Дельвига печатались тамъ обыкновенно съ подписью: — Д — или Д. Пушкинъ скрывался подъ разными псевдонимами, которые сей-часъ объяснимъ.

Въ 1815 году въ «Россійскомъ Музеумѣ» были напечатаны слѣдующія стихотворенія Дельвига: 1) «Лилея» (часть I, стр. 266), 2) «Къ Темирѣ» (ч. I, стр. 266), 3) «Фіалка и роза» (ч. II, стр. 135), 4) «Къ Т—ву» (Таушеву) (ч. II, стр. 136), 5) «Къ больному Г...» (Горчакову) (ч. II, стр. 25), 6) «Вакхъ» (ч. II, стр. 270), 7) «Хата» (ч. III, стр. 154) и 8) «Къ Пушкину» (ч. III, стр. 260), одна статья въ прозѣ, именно: «Письмо къ издателю Музеума» (ч. IV, стр. 209), съ подписью *Баронъ Д...* Изъ этихъ восьми стихотвореній напечатаны въ собраніи сочиненій Дельвига 1829 года, а слѣдовательно и въ смирдинскомъ изданіи, только четыре, именно: «Лилея», подъ заглавіемъ «Къ Доридѣ» (стр. 43), «Вакхъ» (стр. 97), «Хата» (стр. 103) и «Пушкину» (стр. 101), всѣ четыре съ большими перемѣнами, которыя будутъ указаны ниже, при разборѣ этихъ стихотвореній (*).

Нѣтъ сомнѣнія, что поэтическая обстановка лицейской жизни Дельвига, дружба его товарищей, уединеніе, отсутствіе столичныхъ развлеченій, одушевленные бесѣды и дружескія пирушки болѣе всего способствовали развитію поэтическихъ наклонностей Дельвига, и его воспримчивая, хотя и апатическая натура не могла не отозваться на все его окружавшее. Безпечный, мечтательный и лѣнивый, онъ былъ любимъ своими товарищами, которые, какъ это бываетъ всегда, съ первыхъ же опытовъ видѣли въ немъ поэта. Пушкинъ, отличавшійся до конца своей жизни крайнею снисходительностью къ чужимъ произведеніямъ, болѣе всѣхъ ободрялъ и поощрялъ своего друга, и его лицейскія стихотворенія, въ которыхъ такъ часто повторяется имя Дельвига, могутъ служить для этого лучшимъ доказательствомъ. Устраивается ли импровизированная пирушка, на которой бокалы заступаютъ мѣсто летящихъ подъ

(*) Изъ стихотвореній Пушкина въ «Россійскомъ Музеумѣ» напечатаны слѣдующія, — въ первой части: 1) «Къ Батюшкову», 2) двѣ эпиграммы, 3) «Къ Н. Г. Ломоносову», 4) «Казакъ» (съ подписью I... 14—16, т. е. А...н—п.); во второй части: 5) «Воспоминанія въ Царскѣмъ Селѣ», 6) «Къ Лицинію», 7) «Старикъ» (изъ Марота), 8) «Батюшкову», 9) «Вода и вино», 10) «Эпиграмма», — первое изъ нихъ съ полною подписью имени и фамиліи поэта, а остальные съ подписью *Александръ Н.—П.*, *Александръ Икшт.*, и I... 17—14 (т. е. А...р—П); въ третьей части: 11) «Городокъ», 12) «Къ П—ну», 13) «Къ Г...у» (Галичу, автору «Исторіи философскихъ системъ», «Опыта науки изящнаго» и проч.), всѣ съ подписью I... 17—14; въ четвертой части: 14) «Мечтатель», 15) «Послание къ Г...у» (Галичу), 16) «Моя эпитафія», 17) «Измѣны» и 18) «Роза», всѣ съ подписью или: I... 17—14, или: I... 16—14. Большая часть изъ этихъ стихотвореній пропущена въ «Собраніи сочиненій Пушкина». Будемъ надѣяться, что новые издатели ихъ не пропустятъ.

Прим. авт.

столъ фоліантовъ, Пушкинъ прежде всего привѣтствуетъ своего друга-поэта:

«Дай руку, Д...! что ты спишь?
Проснись, лѣнивецъ сонный,
Ты не подъ каедрой сидишь,
Латинью усыпленный.
Взгляни! здѣсь кругъ твоихъ друзей,
Бутыль виномъ налита —
За здравье нашей музы пей,
Парнасскій вологита (*)!

Продолженіе этой строфы:

Острякъ любезный! по рукамъ!
Полнѣй бокалъ досуга!
И вылей сотню эпиграммъ
На недруга и друга», —

относится къ Илличевскому, извѣстному своими эпиграммами.

Тревожатъ ли юношу-Пушкина предстоящіе на избранномъ пути разочарованія и обманы, онъ, въ минуту сомнѣнія, какъ и въ минуту радости, также обращается

къ ДЕЛЬВИГУ.

«Блаженъ, кто съ юныхъ лѣтъ увидѣлъ предъ собою
Извивы темные двухолмной высоты,
Кто въ жизни въ тайный путь съ невинною душою
Пустился плѣнникомъ мечты!
Наперснику боговъ безвѣстны бури злыя,
Надъ нимъ ихъ промыселъ! безмолвною порой
Его баюкаютъ Камены молодія,
И съ перстомъ на устахъ хранятъ пѣвца покой.
Стыдливой Граціи внимаешь онъ совѣты,
И, чувствуя въ груди огонь еще молодой,
Восторженный поэтъ на лирѣ золотой.
О Дельвигъ! счастливы поэты.

Мой другъ, и я пѣвецъ! и мой смиренный путь
Въ пѣвтахъ украсила богиня пѣснопѣнья,
И мнѣ въ младую боги грудь
Вліяли пламень вдохновенья.
Въ младенчествѣ моемъ я чувствовать умѣлъ;
Все жизнью вокругъ меня дышало,
Все рѣзвый умъ обворожало,
И первую черту я быстро пролетѣлъ.

(*) Сочиненія Пушкина, т. IX, стихотвореніе «Пирующіе друзья» (стр. 338).

Съ какою тихою красою
 Минуты дѣтства протекли:
 Хвала, о боги вамъ! Вы мощною рукою
 Отъ ярыхъ грозъ мірскихъ невинность отвели.
 Но все прошло — и скрылись въ темну даль
 Свобода, радость, восхищенье!
 Другимъ и юность наслажденье:
 Она мнѣ — мрачная печаль!
 Такъ рано встрѣтилъ я и зракъ кровавой,
 И низкой клеветы сокрытый ядъ!
 Нѣтъ, нѣтъ! ни счастьемъ, ни славой
 Не буду ослѣпленъ. Пускай они манятъ
 На край гибели любимцевъ оболченныхъ.
 Исчезъ священный жаръ!
 Забвенью сладкихъ пѣсней даръ
 И голосъ струнъ одушевленныхъ!
 Во прахъ и миру и вѣнецъ!
 Пускай не будетъ знать, что нѣкогда пѣвецъ
 Враждою, завистью на жертву обреченный,
 Погибъ на утрѣ дѣтъ,
 Какъ ранній на полянѣ цвѣтъ,
 Косой безвременно сраженный.
 И тихо проживу въ безвѣстной тишинѣ,
 Потомство грозное не вспомнитъ обо мнѣ —
 И гробъ несчастнаго, въ пустынѣ мрачной, дикой,
 Забвенья поростетъ ползущей павиликой!» (*)

Зоветь ли Пушкинъ Галича, профессора философіи и эстетики въ Лицѣ, всѣмъ любимаго и всеобщаго пріятеля, поселиться съ друзьями, оставивъ скучный городъ, онъ и тутъ не забываетъ о своемъ другѣ и въ числѣ первыхъ удовольствій обѣщаетъ Галичу стихи Дельвига:

«Оставь же городъ скучный,
 Съ друзьями соединишь,
 И съ ними неразлучно
 Въ пустынѣ уживись.
 Бѣги, бѣги столицы,
 О, Г... мой, сюда!
 Здѣсь розовой денницы
 Не видя никогда,
 Лѣнясь подь одѣяломъ,
 Съ Тибурскимъ мудрецомъ (**)
 Мы часто за бокаломъ

(*) Сочиненія А. Пушкина. Т. IX, стр. 349.

(**) Тибурскій мудрецъ — Гораций.

Проснемся — и заснемъ.
 Смотри, тебѣ въ награду
 Нашъ Д***, нашъ поэтъ,
 Несетъ свою балладу,
 И стансы винограду,
 И къ лиліи куплетъ⁽¹⁾,
 И полонъ становится
 Твой малый, тѣсный домъ.
 Вотъ съ милымъ острякомъ⁽²⁾
 Нашъ пѣсенникъ⁽³⁾ тащится
 По лѣстницѣ съ гудкомъ,
 И всѣ къ тебѣ нагрянемъ —
 И снова каждый день
 Стихами, прозой станемъ
 Мы гнать печали тѣнь»⁽⁴⁾

Но вотъ шестнадцати-лѣтній Пушкинъ собирается умирать, прощается съ друзьями и завѣщаетъ Дельвигу то, что для него дороже всего — свою лиру:

«Приди, пѣвецъ мой дорогой,
 Воспѣвший Вакха и Темиру!⁽⁵⁾
 Тебѣ дарю и лѣнъ, и лиру:
 Да будутъ Музы надъ тобой!»⁽⁶⁾

Дельвигъ отвѣчалъ Пушкину, за его дружбу, не только самою горячею привязанностью, но какимъ-то восторженнымъ удивленіемъ и первый предсказалъ пятнадцати-лѣтнему поэту ожидающую его славу:

(1) Стихотвореніе «Лилія», напечатанное въ «Россійскомъ Музеумѣ» (ч. I, стр. 266). О немъ упоминалось уже выше. *Прим. авт.*

(2) Такъ Пушкинъ называлъ Иличевского, какъ мы видели уже выше (стр. 79):

«Острякъ любезный! по рукамъ!» и т. д.

Прим. авт.

(3) Вѣроятно, товарищъ Пушкина и Дельвига В. К. К. *Прим. авт.*

(4) Одрывокъ этотъ взятъ изъ «Посланія къ Г...у» (Галичу), пропущеннаго въ «Собраніи сочиненій Пушкина». Оно напечатано, какъ сказано выше (стр. 78), въ «Россійскомъ Музеумѣ» (ч. IV, стр. 3), съ подписью: Г... 16—14.

(5) «Вакхъ» и «Темира» — стихотворенія Дельвига, напечатанныя, какъ сказано выше (стр. 78), въ «Россійскомъ Музеумѣ». Первое изъ нихъ помѣщено въ обоихъ изданіяхъ стихотвореній Дельвига; второе въ обоихъ изданіяхъ пропущено. *Прим. авт.*

(6) Сочиненія А. Пушкина, т. IX, стихотвореніе: «Мое завѣщаніе друзьямъ» (стр. 357). Слѣдующее обращеніе въ этомъ стихотвореніи относится къ И. И. П-у:

«О П..., вѣтренный мудрецъ!» и т. д.

Прим. авт.

«Пушкинъ! Онъ и въ лѣсахъ не укроется;
Лира выдастъ его громкимъ пѣніемъ,
И отъ смертныхъ восхититъ безсмертнаго
Аполлонъ на Олимпѣ торжествующій.»⁽¹⁾

Но скромная муза юноши-поэта не довѣряетъ этимъ дружескимъ,
восторженнымъ предсказаніямъ,

«Ланиты его отъ прѣлестія
Удивленной толпы горятъ пламенемъ»⁽²⁾;

его и радуется и страшитъ избранное имъ поприще, и подъ вліяніемъ
новыхъ сомнѣній является его новое посланіе

КЪ ДЕЛЬВИГУ.

«Послушай, Музы невинныхъ
Лукавый духовникъ,
Жилецъ полей пустынныхъ!
Поэтовъ грѣшный ликъ
Умножилъ я собою,
И я главой поникъ
Предъ милою мечтою.
Мой дядюшка-поэтъ⁽³⁾
На то мнѣ далъ совѣтъ
И съ музами сосваталъ!
Сначала я шалилъ,
Шутилъ стихи кроилъ,
А тамъ ихъ напечаталъ —
И вотъ теперь я братъ
Тому, сему, другому,
Безтолкову, Пустому,
Да я жъ и виноватъ,
Да ты же мнѣ въ досаду
(Что скажетъ бѣлый свѣтъ?)
Стихами до надсаду
Жужжишь Икару вслѣдъ:
Смотрите: вотъ поэтъ!...
Спасибо за посланье;
Но что мнѣ пользы въ немъ?
На грѣшника потомъ

⁽¹⁾ Посланіе «Къ Пушкину». Оно напечатано въ «Россійскомъ Музеумѣ» (ч. III, стр. 260), въ «Трудахъ Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности» (Соревнователь), въ изданіи стихотвореній Дельвига 1829 г., на стр. 136, и въ смиренномъ изданіи, на стр. 101.

⁽²⁾ Изъ того же стихотворенія.

⁽³⁾ Василій Львовичъ Пушкинъ. Не черезъ его ли посредство и были напечатаны первыя стихотворенія А. Пушкина, хотя дядя и племянникъ были въ отношеніяхъ далеко не дружественныхъ?

Прим. авт.

Вѣдь стануть, въ посмѣянье,
Указывать перстомъ.
Измѣнникъ, съ Аполлономъ
Ты, видно, за одно;
И мнѣ прослыть Прадономъ
Отнынѣ суждено.
Увы мнѣ, метроману!
Куда сокроюсь я?
Вездѣ бѣды застану:
Предатели-друзья
Невинное творенье
Украдкой въ городъ шлютъ,
И плодъ уединенія
Тисненью предають —
Бумагу убиваютъ.
Поэта окружаютъ
Съ улыбкой остряки.
«Ахъ, сударь! мнѣ сказали,
«Вы пишете стишки?
«Увидѣть ихъ нельзя ли?
«Вы въ нихъ изображали,
«Конечно, ручейки,
«И роци и цвѣтки....»
О Дельвигъ! начертали
Мнѣ Музы мой удѣлъ:
Но ты ль мои печали
Умножить захотѣлъ?
Въ объятіяхъ Морфея
Безпечный духъ лелѣя,
Еще хотъ годъ одинъ
Позволь мнѣ подѣниться,
И нѣгой насладиться:
Я, право, нѣги сынъ!
А тамъ, хотъ нѣтъ охоты,
Но придуть ужъ заботы
Со всѣхъ ко мнѣ сторонъ:
Я буду принужденъ
Съ журналами сражаться,
Съ газетой торговаться,
Съ Графовымъ восхищаться....
Помилуй, Аполлонъ!»^(*)

Изъ этого посланія можно заключить, во первыхъ, что стихотворенія Пушкина отдавались въ печать иногда украдкой отъ поэта,

^(*) Сочиненія А. Пушкина, т. IX, стр. 382.

и что въ этомъ «предательствѣ», какъ называлъ это Пушкинъ, участвовалъ и Дельвигъ, болѣе другихъ ревностный къ славы своего друга; а во вторыхъ, что Дельвигъ, также имѣвшій нѣкоторое влияние на Пушкина, какъ мы видѣли уже выше, побуждалъ его къ литературнымъ занятіямъ; иначе Пушкинъ не имѣлъ бы причины просить у него позволенія погнѣяться

«Еще хоть годъ одинъ.»

Еще большее подтвержденіе крайней, въ высшей степени пристрастной снисходительности къ своему другу и строгости къ самому себѣ мы находимъ въ одномъ изъ позднѣйшихъ стихотвореній Пушкина, въ которомъ онъ, сравнивая себя съ Дельвигомъ, видитъ въ немъ съ дѣтства гордаго и преданнаго жреца искусства, между тѣмъ какъ онъ любилъ уже славу и не дорожилъ своимъ дарованьемъ. Обращаясь къ Дельвигу въ стихотвореніи *19 Октября 1825 года*, (соч. Пушкина, т. III, стр. 19), Пушкинъ говоритъ:

«Съ младенчества духъ пѣсенъ въ насъ горѣлъ,
И дивное волненіе мы познали;
Съ младенчества двѣ музы къ намъ летали,
И сладокъ былъ ихъ лаской намъ удѣлъ:
Но я любилъ уже рукоплесканья,
Ты гордый пѣлъ для музъ и для души;
Свой даръ какъ жизнь я тратилъ безъ вниманья,
Ты гений свой воспитывалъ въ тиши.»

Нужно ли говорить, сколько въ этихъ строкахъ заключается пристрастія въ отношеніи Дельвигу и строгости въ отношеніи къ самому себѣ?

Вообще Дельвигъ былъ очень любимъ всеми своими товарищами.

По своему добродушію, а можетъ быть столько же и по лѣности, онъ никогда ни съ кѣмъ не ссорился. Разъ только, уже послѣ выпуска изъ Лицея, онъ поссорился, въ слишкомъ веселую минуту, съ однимъ уланомъ, бывшимъ въ Бородинской битвѣ (И. А. Б—нымъ), и даже вызвалъ своего противника на дуэль. Пушкинъ рассказываетъ объ этомъ забавномъ случаѣ слѣдующее: «Д*** однажды вызвалъ на дуэль Б***. Б*** отказался, сказавъ: «скажите Д***, что я на своемъ вѣку видѣлъ болѣе крови, нежели онъ чернилъ.» (*) Разумѣется, послѣ такого отвѣта, миръ заключенъ былъ немедленно. Но кромѣ этого необыкновеннаго случая Дельвигъ былъ самыхъ миролюбивыхъ наклонностей. Въ этомъ отношеніи онъ представлялъ совершенную противоположность съ Пушкинымъ, который, несмотря

(*) Сочиненія Пушкина, т. XI, Анекдоты, стр. 173.

на свое доброе сердце, любилъ посмѣяться надъ нѣкоторыми изъ своихъ товарищей и нерѣдко выводилъ ихъ изъ терпѣнія своими насмѣшками. (1)

Въ маѣ 1817 года произведено было публичное пятнадцатидневное выпускное испытаніе воспитанниковъ по всѣмъ частямъ преподававшихся имъ наукъ. Оба поэта выдержали его весьма блистательно, и потому причислены были ко второму разряду, и изъ числа семнадцати воспитанниковъ, поступившихъ въ гражданскую службу (остальные двѣнадцать поступили въ военную), Дельвигъ былъ по успѣхамъ третьимъ съ конца, а Пушкинъ четвертымъ. (2)

Передъ выпускомъ, до окончательнаго распредѣленія воспитанниковъ на службу, когда еще не было составлено списка объ ихъ успѣхахъ и назначеніи, общими силами сочинили пѣсню, въ которой заранее назначали другъ другу мѣста.

Дельвигу въ этой пѣснѣ дано было назначеніе, соотвѣтственное его характеру:

«Дельвигъ мыслить на досугъ:
Можно спать и въ Кременчугѣ»,

гдѣ отецъ его стоялъ тогда съ командуемою имъ бригадою. (3)

Торжественный выпускъ изъ Лицея происходилъ 9 июня 1817 года.

Августѣйшій основатель Лицея удостоилъ торжественный актъ своимъ присутствіемъ. Въ двѣнадцать часовъ Государь Императоръ, въ сопровожденіи исправлявшаго должность министра народнаго просвѣщенія, князя А. Н. Голицына, прибылъ въ главную залу Лицея, гдѣ встрѣченъ былъ директоромъ и всѣми профессорами. По занятіи Его Величествомъ своего мѣста, директоръ, въ краткихъ словахъ, изложилъ предметъ торжества, а конференцъ-секретарь прочиталъ отчетъ о занятіяхъ, ходѣ ученія и началахъ, на которыхъ было основано образованіе воспитанниковъ. Потомъ князь А. Н. Голицынъ представилъ Его Величеству всѣхъ окончившихъ курсъ воспитанниковъ, съ означеніемъ чиновъ, которыми они удостоены, равно какъ и удостоенныхъ медалей и похвальныхъ листовъ (медалей было шесть, а похвальныхъ листовъ четыре), кото-

(1) Одинъ изъ его товарищей былъ такъ оскорбленъ насмѣшкой Пушкина, что, не владея собою, во время прогулки въ Царскосельскомъ саду, бросился въ прудъ и едва былъ спасенъ. (Сообщено бывшимъ директоромъ Лицея Е. А. Энгельгартомъ) Это происшествіе дало поводъ къ народнѣ на оду Дельвига «Къ Диону»: «Сядемъ, любезный Нептунъ, подъ тѣнью зеленыя тины,» и т. д.

(Сообщено кн. Д. А. Э.)

(2) Изъ бумагъ Конференціи Лицея.

(3) Сообщено барономъ А. И. Дельвигомъ.

рые и розданы были исправлявшимъ должность министра. Государь, войдя въ кругъ юношей, обратилъ къ нимъ трогательныя слова любви и наставленія и долго увѣщевалъ ихъ къ добродѣтели, чести и уваженію обязанностей. (1)

Торжественный актъ былъ заключенъ прощальною пѣсню воспитанниковъ, сочиненною на этотъ случай Дельвигомъ. Сочиненіе этой пѣсни было поручено сначала директоромъ Лицея Пушкину, но такъ какъ онъ медлилъ, а потомъ вовсе отказался писать ее, то это поручено было Дельвигу. Когда онъ также затруднился этимъ порученіемъ, Е. А. Энгельгардтъ далъ ему, въ общихъ чертахъ, программу пѣсни, и Дельвигъ сочинилъ ее по этой программѣ и потомъ исправилъ по замѣчаніямъ Е. А. Энгельгардта. (2)

Вотъ эта прощальная пѣсня:

«Шесть лѣтъ промчалось, какъ мечтанье,
Въ объятыхъ сладкой тишины,
И ужъ отечества призванье
Гремитъ намъ: шествуйте, сыны!

Тебѣ, нашъ Царь, благодаренье!
Ты самъ насъ юныхъ съединилъ,
И въ семъ святомъ уединеньѣ
На службу Музамъ посвятилъ.
Примижъ теперь не тѣхъ веселыхъ
Безпечной радости друзей,
Но въ сердца чистыхъ, въ правдѣ смѣлыхъ,
Достойныхъ благости твоей!

Шесть лѣтъ промчалось, какъ мечтанье,
Въ объятыхъ сладкой тишины,
И ужъ отечества призванье
Гремитъ намъ: шествуйте, сыны!

О, мать, вняди мы призванью!
Кипитъ въ груди младая кровь;
Длань крѣпко съединилась съ дланью:
Связала ихъ къ тебѣ любовь.
Мы дали клятву: все родимой,
Все безъ раздѣла, кровь и трудъ!

(1) «Сынъ Отечества» 1817 г. № XXVI, Смѣсь.

(2) «Allgemeine Zeitung» 1817. Въ оба изданія извѣстіе объ актѣ было сообщено директоромъ Лицея Е. А. Энгельгардтомъ. Выписка изъ послѣдняго была напечатана въ переводѣ въ «Сынъ Отечества» того же года, а изъ него перепечатана въ «Казанскихъ извѣстіяхъ» 1818 г., № 16. Въ нѣкоторыхъ другихъ изданіяхъ также напечатаны были извѣстія изъ указанныхъ нами источниковъ.

Готовы въ бой неколебимо,
Неколебимо въ правды судъ!

Шесть лѣтъ промчалось, какъ мечтанье,
Въ объятыхъ сладкой тишины,
И ужъ отечества призванье
Гремитъ намъ: шествуйте, сыны!

Благословите положившихъ
Святой отечеству обътъ,
И съ дѣтской нѣжностью любившихъ
Васъ, други первыхъ нашихъ лѣтъ!
Мы не забудемъ наставленій,
Плодъ вашихъ опытовъ и думъ,
И мысль объ нихъ, какъ нѣкій геній,
Неопытный поддержитъ умъ.

Простимся, братья! руку въ руку!
Обнимемся въ послѣдній разъ!
Судьба на вѣчную разлуку,
Быть можетъ, породнила насъ!

Другъ на другѣ остановите
Вы взоръ съ прощальною слезой!
Храните, о друзья, храните
Тужъ дружбу съ тою же душой!
Тожъ къ правдѣ пылокое стремленье,
Тужъ ко трудамъ живую кровь!
Въ несчастъѣ — гордое терпѣнье,
И въ счастья — всемъ равно любовь!

Шесть лѣтъ промчалось, какъ мечтанье,
Въ объятыхъ сладкой тишины,
И ужъ отечества призванье
Гремитъ намъ: шествуйте, сыны!
Простимся, братья! руку въ руку!
Обнимемся въ послѣдній разъ!
Судьба на вѣчную разлуку,
Быть можетъ, породнила насъ! (*)

(*) Стихотвореніе это напечатано въ «Сынъ Отечества» 1817 г., № XXVI, стр. 260, съ подписью: *Баронъ Дельвигъ, воспитанникъ Лицея*. Кромѣ того, оно напечатано, съ нѣкоторыми пропусками, въ некрологической статьѣ П. А. Шлетова о Дельвигѣ (Литературная Газета 1831 года, № 4, стр. 31) и издано отдѣльно, вмѣстѣ съ музыкой, въ 1835 году, въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ. Это послѣднее изданіе составляетъ уже библиографическую рѣдкость. Заглавіе его слѣдующее: «Шесть лѣтъ, прощальная пѣсня воспитанниковъ Императорскаго Лицея въ Царскомъ Селѣ. 1817. Слова воспитанника барона Дельвига, музыка В. Тешпера.

Музыка для этой пѣсни (хоръ) была написана учителемъ музыки въ Лицеѣ, капельмейстеромъ В. Теннеромъ де-Фергюзонемъ. Пѣснь эта надолго сохранилась въ Лицеѣ: въ теченіе около двадцати лѣтъ воспитанники пѣли ее при выпускѣ, прощаясь другъ съ другомъ; и, можетъ быть, она многое напомнитъ нѣкоторымъ изъ нашихъ читателей.

В. ГАЕВСКІЙ.

С. Петербургъ. 1835. Литографія Ф. Давильона, у Казанскаго моста. № 13.» На заглавномъ листѣ изображена главная зала Лицея, а на оборотѣ послѣдняго листа налитографированы слова этой пѣсни, писанныя рукою Е. А. Энгельгардта. Стихотвореніе это явилось съ нѣкоторыми переѣнами противъ первыхъ двухъ изданій. Представляемъ варианты его сравнительно только съ первымъ изданіемъ (въ Сынѣ Отечества), такъ какъ второе (въ Литературной Газетѣ) ошибочно и неполно. Въ литографированномъ изданіи измѣнены слѣдующимъ образомъ :

Второе восьмистишіе :

«О, мать! ввѣя мы призванье;
Кипитъ въ груди младая кровь!
Одно лишь есть у насъ желанье,
Всегда къ тебѣ хранить любовь.
Мы дали клятву, все родимой,
Все безъ раздѣла, кровь и трудъ;
Готовы въ бой неколебимо,
Неколебимо правды въ судъ.»

Четвертая строка третьяго восьмистишія :

«Васъ, други нашихъ рывыхъ лѣтъ.»

Послѣдняя строка того же восьмистишія :

«Неопытный удержитъ умъ.»

Начало четвертаго хора (четверостишія) :

«Прощайтесь, братья! руку въ руку,
Обнимитесь въ послѣдній разъ.»

Шестая строка предпослѣдняго восьмистишія :

«Туж юную ко славу кровь....»

Въ текстѣ послѣднее четверостишіе хора выпущено, а въ партитурѣ оно написано слѣдующимъ образомъ :

«Прощайтесь, братья! руку въ руку!
Обнимитесь въ послѣдній разъ,
И поклоняемся мы разлуку
Провестъ, какъ разлученья часъ.»

Мы привели это стихотвореніе такъ, какъ оно напечатано въ «Сынѣ Отечества», считая эту редакцію самою вѣрною, потому что она слѣдуетъ самому поэту; а оба другія изданія явились уже послѣ его смерти.

Прим. авт.